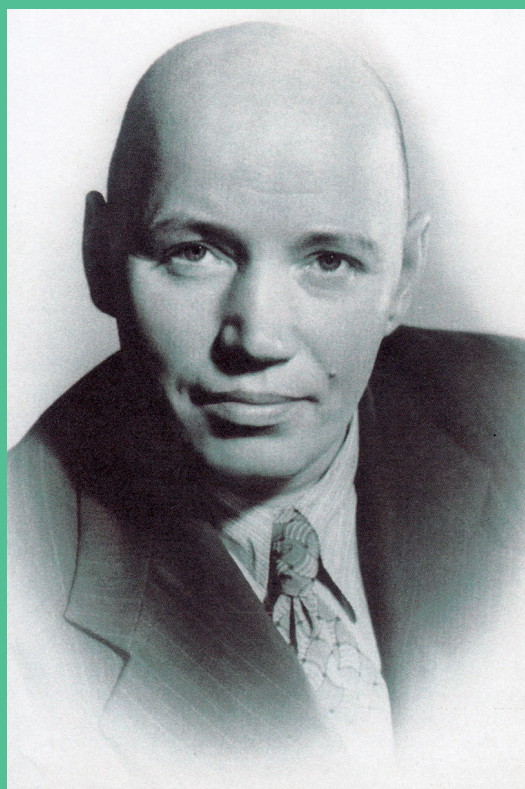

ISSN: 2500-0837

ТЕОРИЯ государства и права

2017
октябрь -
декабрь

Номер выпущен при
финансовой поддержке
Goltsblat BLP

№ 4

Москва

Россия

2017 / № 4

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г.

2017 / № 4

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016

**Заведующим
кафедрами теории
государства и права**

Уважаемые коллеги!

Начиная с 2018 года, в соответствии с решением Президиума Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, в каждом номере журнала «Теория государства и права» будет публиковаться информация о профессорско-преподавательском составе кафедр высших учебных заведений, где преподается учебная дисциплина «Теория государства и права».

Сведения направляются в редакцию журнала в свободной форме, однако необходимо обязательно указать вуз, который закончил преподаватель, получение базового юридического образования, общий педагогический стаж работы и преподавания науки теории государства и права, список опубликованных работ и иные сведения, которые представляются важными и интересными для читателей.

Редакция журнала не будет возражать против размещения персональных фотографий на странице кафедры. Обязательно требуется фотография высшего учебного заведения (юридического факультета) для размещения на обложке журнала.

Более подробную информацию о Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП) можно получить на сайте: www.matgip.ru/

С уважением,
Президент МАТГиП,
профессор

С.А.Комаров

На обложке профессор А.И. Денисов

Содержание

		Стр.
Аболмасова Т.Е.	Право на свободу вероисповедания и отдельные факторы, влияющие на распространение религиозного экстремизма в современной России	8
Алексеев А.Г.	Констатация и преодоление объективного вменения в российском праве	13
Баженов В.В.	Роль личности в политической системе российского общества	18
Гайдук С.Л.	Органы местного самоуправления в механизме обеспечения продовольственной безопасности: теоретико-правовой анализ	23
Громова И.Е.	Некоторые аспекты состояния преступности в подростковой среде	27
Ирошников Д.В.	Отражение теории безопасности в действующем законодательстве Российской Федерации	30
Капустина М.А.	Правовое регулирование: диапазон возможностей законодателя	39
Майхир М.Е.	Взаимоотношения органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере перераспределения полномочий между ними	48
Мицкая Е.В.	Проблемы применения наказания в виде штрафа как основного наказания за преступление	52
Санакоев Г.З.	Доктрина в системе источников конституционного права Российской Федерации	58
Середа Е.В.	Проблемы реализации права на получение медицинской помощи лицами, содержащимися в пенитенциарных учреждениях	62
Соловьева И.А., Чупров В.М.	О роли Конституционного Суда Российской Федерации в устранении пробелов в праве	67
Старовойтов В.Н.	Право на аборт: история и практика	74
Старовойтова О.Э.	Соматические права человека - новое направление в юридической науке	79

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Васильев Анатолий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ельцов Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ревнова Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Фролова Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Якушев Александр Николаевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2017.

© Авторы, 2017.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/magazine>).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kholmna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Vasilyev Anatoly Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Eltsov Nikolay Sergeyevich, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Mordovets Alexander Sergeyevich, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Honorary worker of higher education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Frolova Natalya Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Yakushev Alexander Nikolaevich, Doctor of historical sciences, Candidate of legal sciences, Candidate of pedagogical sciences, professor

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

ISSN: 2500-0837

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2017.

© Authors, 2017.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Т.Е.Аболмасова*

ПРАВО НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ И ОТДЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные факторы, влияющие на распространение в современной России религиозного экстремизма и терроризма в соотношении с реализацией права на свободу вероисповедания.

Ключевые слова: право на свободу вероисповедания, межконфессиональный конфликт, религиозный экстремизм, деструктивные организации.

THE RIGHT OF FREEDOM OF FAITH AND SEVERAL FACTORS INFLUENCING THE SPREAD OF RELIGIOUS EXTREMISM IN MODERN RUSSIA.

Summary. The article considers some factors influencing the spread of religious extremism and terrorism in modern Russia in relation to the realization of the right to freedom of religion.

Keywords: right to freedom of religion, inter-religious conflict, religious extremism, destructive organization.

Усиление межцивилизационных и межконфессиональных противоречий в обществе на современном этапе его развития вызывает необходимость разработки действенных политических, правовых и организационных мер их устранения и предотвращения, направленных на поиск путей мирного сосуществования представителей разных религий. Особую остроту религиозный конфликт приобретает в транзитивных обществах, тесно переплетаясь с неизбежными в таких случаях политическими и социальными противоречиями.

Среди политических конфликтов, вырастающих из религиозных или получающих впоследствии религиозное обрамление, особое место занимают конфликты, связанные с проблемой религиозной идентичности. Подтверждением этого являются многие процессы и проявления нетерпимости, имеющие религиозный характер или, по крайней мере, религиозную окраску. Причиной многих конфликтогенных ситуаций последнего времени становятся трудности социально-культурной адаптации и интеграции в иной этноконфессиональной среде.

В условиях глобализационных процессов, таких как массовая миграция, смешение разных этносов со своими культурными и религиозными традициями, особую опасность несет недостаточное знание особенностей других религий и культур и непонимание сути иных нравственных ценностей, норм поведения. Эти обстоя-

* **Аболмасова Татьяна Евгеньевна**, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров (Академия ФСИН России). E-mail: tanjukha@mail.ru

Abolmasova Tatyana E., adjunct faculty of scientific and pedagogical staff training (Academy of the Federal penitentiary service of Russia).

тельства влекут за собой неспособность устанавливать взаимоприемлемые отношения, становятся причиной глубоких обид, оскорблений, острых конфликтных ситуаций, создают благоприятную почву и для экстремистской активности [1, с. 112-118]. Поликонфессиональный характер Российской Федерации, безусловно, накладывает свой отпечаток на содержание государственно-конфессиональных отношений и практику реализации законодательства о свободе вероисповедания и о религиозных объединениях.

Право на свободу вероисповедания является одним из основных прав человека и гражданина. Пренебрежение указанным правом несовместимо с такими понятиями, как «правовое государство» и «гражданское общество». Именно права и обязанности являются важнейшими исходными элементами правового статуса личности. По мнению В.А. Симонова, содержанием свободы вероисповедания является не только исповедание конкретной религии, ее конфессионального или национального направления, но и воздержание от такового, вплоть до атеизма, а также совершение иных действий, не запрещенных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами [11].

Неизбежным спутником межконфессионального взаимодействия выступает высокая степень конфликтности, и очень часто религиозные и религиозно-политические конфликты сопровождаются ростом противоречий, которые приводят к столкновению национальных и религиозных групп.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации выделяется ряд факторов и угроз, оказывающих негативное влияние на обеспечение национальных интересов России, среди которых такие как распространение терроризма, межнациональная рознь, религиозная вражда, иные проявления экстремизма [10]. С учетом полиэтничной и многоконфессиональной структуры российского общества, а также с увеличением числа конфликтных ситуаций в отдельных сферах общественной жизни решение этих проблем становится одним из ключевых вопросов с точки зрения сохранения стабильного, поступательного развития страны.

Особое внимание в этом вопросе уделяется Северо-Кавказскому региону. К основным предпосылкам распространения религиозного экстремизма на Северном Кавказе помимо высокого уровня религиозности относятся низкий уровень благосостояния населения, высокий уровень безработицы, а также финансовая и идеологическая поддержка радикальных религиозных течений извне [2, с. 88-94].

Кроме указанных предпосылок распространения религиозного экстремизма в России, причем не только в Северо-Кавказском регионе, к числу факторов, способствующих ему, необходимо отнести распространение радикального ислама среди мусульман России. В исламе, в отличие от православия, нет не только общего канонического главы, но и признанной группы авторитетных духовных лидеров, выступающих с единых позиций. Количество духовных управлений мусульман давно превысило число исторически сложившихся территориальных исламских общностей, многие из них конкурируют во влиянии на паству, создавая на территории имеющегося муфтията и поглощая его местные религиозные организации.

Вместе с тем приближается срок естественной смены поколений муфтиев. Лидеры, выдвинувшиеся на переломе веков, ощущают давление молодых мусульман, получивших систематическое исламское образование в арабских странах. Эти молодые люди критически относятся к старшему поколению, к опыту и традициям прошлого, порой оторваны от них, но опираются на поддержку из стран, где получили

религиозное образование. Особенно активны процессы, в которых сталкиваются религиозные, политические и экономические проблемы, в Кавказском регионе, где радикальные исламские течения получают поддержку по каналам международного терроризма [3, с. 80-82].

В российский список террористических организаций, которым запрещено осуществлять свою деятельность на территории страны, внесено более десяти группировок. Каждая из них несет в себе потенциальную угрозу для мирной жизни россиян. Наиболее распространенной и опасной террористической угрозой для всего мира является Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ).

Долгое время террористы из ИГИЛ находились в стороне от России, однако, 23 июня 2015 года пресс-секретарь террористов Абу Мухаммада аль-Аднани заявил о создании новой административной единицы - провинции «халифата» «Вилайет Кавказ». В четырех северокавказских регионах (Чечня, Ингушетия, Дагестан и Кабардино-Балкария), которые «включены» в «Вилайет Кавказ», чаще прочих происходят атаки и теракты под эгидой ИГИЛ.

По данным Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, сейчас в Сирии находятся 4 тысячи боевиков с российским гражданством [6]. В России работает обширная сеть вербовки людей в ряды ИГИЛ. Ролики с призывом вступить в ряды исламистов свободно приходят на телефоны россиян через различные приложения. В ряды ИГИЛ чаще всего попадают по псевдоромантическим мотивам вроде якобы справедливой войны. Это вполне благополучные люди, которые находятся в некоем духовном поиске. Их и вычисляют вербовщики [7].

Еще одним фактором, влияющим на распространение религиозного экстремизма в России, является возникновение большого числа новых религиозных и псевдорелигиозных образований, имеющих деструктивный характер. При этом в России все еще не сформирована эффективная практика выявления деструктивных организаций, нет механизмов для ограничения деятельности религиозных общин, которые уже признаны в других государствах опасными для общества, что не мешает им продолжать успешно регистрироваться в Российской Федерации под видом различных психологических тренингов, школ или благотворительных фондов.

По мнению С.М. Воробьева, любая деятельность секты изначально связана с преступным поведением ее участников, потому как ее организаторы и адепты преследуют противоправную цель. Преступная цель - это конечный результат (в большинстве случаев завуалированный для непосвященных адептов), на который направлена во всей совокупности деятельность секты. Соответственно внутренним условиям функционирования секты, поставленным задачам ее целью может быть совершение насильственных преступлений в отношении как отдельных лиц, так и большого количества (массы) людей, преступлений против собственности, экономических деяний, актов терроризма, диверсионных действий против безопасности государства и его обороноспособности и др. [4, с. 103].

В статье 12 Федерального закона от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» содержится перечень оснований, в соответствии с которыми религиозной организации может быть отказано в регистрации:

- заявленные цели организации и ее деятельность противоречат законодательству Российской Федерации и ее Конституции;
- организация не признана религиозной;

- предоставленные документы, в том числе устав организации, не соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации или содержащиеся в них сведения недостоверны;

- в едином государственном реестре юридических лиц ранее зарегистрирована организация с тем же названием;

- учредитель (учредители) организации неправомочен [5].

Деструктивные религиозные организации, которые проходят регистрацию в Российской Федерации, с легкостью обходят этот закон. Реально противостоять сектантской деятельности призваны и способны государство и традиционные конфессии. Их средства осуществления этого противодействия различны по сути, но одинаковы по направлению.

В связи с приобретающей все большую актуальность проблемой распространения религиозного экстремизма и терроризма государство пытается налаживать отношения с религиозными организациями внутри страны и за ее пределами. Этому способствуют встречи руководства страны с председателями Духовных управлений мусульман республик Северного Кавказа для обсуждения вопросов взаимодействия государства и Духовных управлений мусульман с целью противодействия экстремизму. При этом представляется очевидным, что средства Церкви - это прежде всего миссионерско-просветительская деятельность, религиозное и духовное просвещение населения. Для этого необходимо создание социально-экономических условий для религиозного просвещения. Особенно важной задачей является разграничение понятий «религия» и «экстремизм» [8]. В свою очередь, взаимодействие государства с российскими религиозными организациями способствует укреплению позиций России на международной арене. Так, вступление России в международную организацию «Исламская конференция» на правах наблюдателя стимулировало повышение доверия к нашей стране со стороны мусульманских государств [9].

Обобщая указанные выше факторы, влияющие на распространение религиозного экстремизма в России, следует отметить, что их первоосновой выступает злоупотребление отдельными лицами правом на свободу вероисповедания, которое находит выражение прежде всего в деятельности новообразованных религиозных организаций, а также в распространении радикальных направлений в рамках традиционных конфессий, в том числе исламского фундаментализма, преследующих цели, противоречащие не только законодательству Российской Федерации, но и основам нравственности, семьи и брака, воспитания детей, а также идущие вразрез с интересами общества.

Необходимо понимать, что права и свободы человека, в том числе и право на свободу вероисповедания, могут быть полноценно реализованы только тогда, когда в обществе и государстве существуют жесткие рамки для их реализации, не допускающие тех их проявлений, которые нарушают свободу других людей, причиняют вред социуму, порождают общественные конфликты. В этом неизбежный закон социального общежития, в котором функционируют люди с разными ценностями, взглядами, мировоззрением.

Одновременно с этим попытки одной из религий занять главенствующее место могут привести к религиозному тоталитаризму, который чреват нарастанием межкультурных противоречий, глубоким социальным расслоением по признаку религиозной принадлежности. Осознание духовного, культурного и религиозного многообразия является основанием для национального единства всей многонациональной и многоконфессиональной страны.

В условиях религиозного многообразия очень важно найти те правовые средства и механизмы, которые обеспечат и гарантируют мирное сосуществование представителей разных конфессий на территории нашей страны, не допустят проявлений религиозного экстремизма.

Библиографический список

1. *Медведев Д.М.* Стабилизационный и конфликтогенный потенциал религии в современном политическом процессе // Известия Тульского государственного университета: гуманитарные науки. - Выпуск № 1. - 2009. - С. 112-118.
2. *Половнёв А.В.* Этноконфессиональные угрозы общественной безопасности в современной России // Вестник Военного университета. - 2011. - № 2 (26). - С. 88-94.
3. *Себенцов А.* Развитие религиозной ситуации в современной России // Власть. - 2009. - №7. - С. 79-82.
4. *Воробьев С.М.* Моральный вред и психическое насилие: общее и особенное. - Воронеж, 2016. - С. 103.
5. Религия и право: российское и международное законодательство о свободе совести и о религиозных объединениях: сборник нормативно-правовых актов / сост. И.М. Вербицкий, К.Б. Ерофеев. - СПб., 2006. - С. 115.
6. Начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС РФ генерал-полковник Сергей Рудской провел брифинг для представителей СМИ. Электронный ресурс // <http://function.mil.ru/> (дата обращения 21.08.2017 г.).
7. *Кулинич Роман.* ИГИЛ в России: реальна ли угроза мирового терроризма? Электронный ресурс // <https://24smi.org/> (дата обращения 31.10.2016 г.).
8. Р. Кадыров называет исключительно важной встречу Медведева с главами регионов и духовными лидерами Северного Кавказа // URL: www.interfax.ru, 31.08.2009.
9. *Фаезов А.* Россия - ОИК: история партнерства. Электронный ресурс. // URL: www.mgimo.ru (дата посещения 25.12.2016 г.).
10. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 1 (часть II). - Ст. 212.
11. См.: *Симонов В.А.* Национальная политика и конституционно-правовое регулирование свободы совести и вероисповедания в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. - 2007. - № 13. - с. 17-20.

А.Г. Алексеев*

КОНСТАТАЦИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема объективного вменения по делам о налоговых преступлениях, приводятся реальные примеры противоречий между положениями действующего уголовного законодательства и существующими правоприменительными практиками. Статья содержит в себе анализ современного правоприменения и предложения по разрешению подобных коллизий.

Ключевые слова: объективное вменение, правоприменение, коллизия, налоговое преступление, уголовное законодательство.

THE RECOGNITION AND OVERCOMING OF OBJECTIVE IMPUTATION IN RUSSIAN LAW

Summary. This article raises the issue of objective imputation of guiltiness in tax crimes. The article shows the concrete examples of contradiction between Criminal code of Russian Federation provisions and the actual application of the law. Article consists of analysis of the application of the law and recommendations of evading such collisions.

Keywords: objective imputation, law enforcement, conflict, tax crime, criminal law.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации в его буквально-текстовом понимании устанавливает жесткий и однозначный запрет на объективное вменение: так, ч. 2 ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] прямо говорит, что объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Данное положение является прямым логическим следствием презумпции невиновности, которая установлена ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации [1], при этом признание лица невиновным происходит в одном из двух случаев: а) доказанная невиновность, б) недоказанная виновность.

Конституция Российской Федерации закрепляет нормативное положение, что любые неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого лица (ч. 3 ст. 49), в налоговом же праве действует частность заложенного в Основном Законе принципа - принцип «in dubio contra fiscum», сомнение против фиска, обладающий аналогичным действием в процедурах налогового контроля и привлечения налогоплательщика к ответственности [3].

Анализ действующего законодательства и его фактического применения указывает тем не менее на то, что правоприменительная практика дозволительно относится к объективному вменению в вопросах привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления.

* **Алексеев Артём Геннадьевич**, адвокат АК «АТТИКУС», аспирант кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург). Научный руководитель - кандидат юридических наук доцент Комарова Т.Л.

В юридической литературе ряд авторов неоднократно указывают, что уголовная ответственность за налоговые преступления в действительности может пониматься как один из видов налоговой ответственности; таким образом, следует понимать, что речь идет не об уголовно-правовой проблеме в узком смысле, а о правовой проблеме, затрагивающей многие отрасли права.

Нельзя не отметить, что вопрос объективного вменения в рамках публичных правоотношений был объектом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации [4], в рамках которого судьей Конституционного Суда Российской Федерации А.Л.Кононовым было заявлено особое мнение.

В данном деле заявители оспаривали конституционность процедурной возможности привлечения к ответственности за обнаружение самого факта совершения административного правонарушения и при этом избегали доказывания вины.

Сам Конституционный Суд (а вернее, большинство судей Суда), отказывая в признании неконституционной подобной процедуры привлечения к административной ответственности, обосновывает данное положение распространенностью такого явления, как упрощенный порядок привлечения к ответственности, приводя, в частности, правоприменительные примеры (статья 16 Конвенции об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, от 12 октября 1929 г., статья 11 Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов от 19 мая 1956 г., стандарты 5.2 и 5.3 приложения к Конвенции по облегчению международного морского судоходства от 9 апреля 1965 г.), в которых лицам, привлекаемым к ответственности, предоставляется возможность дальнейшего судебного доказывания собственной невиновности.

В своем особом мнении судья А.Л.Кононов указывает, что соблюдение принципа вины обязательно и в случае привлечения к ответственности за нарушение таможенных правил, где наличие вины является неотъемлемым признаком состава таможенного правонарушения и подлежит обязательному доказыванию при наложении взыскания. Иное, по мнению А.Л.Коконова, противоречило бы природе правосудия.

Следует согласиться с высказанным А.Л.Кононовым мнением, поскольку перемещение бремени доказывания в спорах с государственными органами на привлекаемое лицо *de facto* приводит к умалению презумпции невиновности, которое не может быть оправдано процедурной простотой или фискальными интересами.

Приведенный в особом мнении пример в отношении жалобы ТОО «Эконт» является безупречным примером объективного вменения - юридическое лицо задекларировало товар на основании данных государственной экспертизы и сертификации, однако в дальнейшем конечный получатель провел независимое исследование и обнаружил, что содержание золота в нем выше, и на этом основании произвел доплату таможенного платежа, что в итоге и послужило основанием для привлечения поставщика к ответственности. При этом можно с высокой долей вероятности утверждать, что корыстный мотив у поставщика в данном случае отсутствовал, равно как любые иные элементы субъективной стороны преступления (правонарушения), которые и образуют под собой состав вины.

В.Д. Сорокин в одном из своих многочисленных трудов также указывает на опасность такого явления, как объективное вменение, подчеркивая, что современное правоприменение узурпирует институт административной ответственности в угоду «заинтересованных сил» [7, с. 27], указывая при этом, что вина является одним из ключевых критериев (оснований) для привлечения лица к ответственности.

Наличие *de facto* в российском праве объективного вменения признается также и другими специалистами: так, И.В.Самылов указывает [6], что административные органы, применяющие указанную норму, фактически исходят из принципа объективного вменения: если ККМ не была применена в организации торговли при продаже товара, следовательно, в этом виновата организация, осуществляющая торговлю, независимо от обстоятельств дела. При этом многими другими специалистами приводятся более чем убедительные фактические примеры применения объективного вменения [8].

Если же говорить об объективном вменении в контексте налоговых преступлений, то в данном случае следует понимать, что действующая правоприменительная практика в уголовном праве идет как раз по пути легитимизации объективного вменения.

Верховный Суд Российской Федерации указал в Кассационном определении от 21.07.2011 № 36-О11-9, что корыстный мотив не является составообразующим в налоговых преступлениях, а значит, отсутствует необходимость доказывания данного факта государственным обвинителем и отражения судом в приговоре [5].

При этом получается, что судом также не должен исследоваться и вопрос добросовестности и должной осмотрительности при включении в налоговую декларацию недостоверных сведений, поскольку в данном случае важен сам факт включения недостоверных сведений, а причины такой ошибки не оцениваются при вынесении приговора. Таким образом, нарушается сразу несколько фундаментальных принципов не только налогового права, но и права как такового - презумпции невиновности (поскольку доказывание перекладывается на налогоплательщика), принципа справедливости (поскольку наказание может быть применено и в том случае, когда привлекаемое к ответственности лицо не знало и не могло знать о том, что вносит недостоверные сведения в налоговую декларацию), принципа правовой определенности и наказания только за совершенные правонарушения (поскольку недостоверными сведениями могут быть сочтены ошибочные выводы налогоплательщика о применении вычетов по отдельно взятым налогам).

Помимо служения фискальным интересам законодателя также можно упрекнуть и в возможном служении корпорациям-монополистам. Так, например, из Уголовного кодекса Российской Федерации исключена норма об уголовной ответственности за все антиконкурентные соглашения, кроме картелей, а также за согласованные действия и соглашения с участием органов власти, при этом некоторые специалисты указывают, что данные нормы были убраны именно в связи с возникновением режима объективного вменения [9] по данным преступлениям - и вправду, доказательства антимонопольных преступлений действительно довольно трудно добыть, мало кому в руки попадали аудио- и видеодоказательства совещаний, на которых обсуждаются вопросы картелей и установления монопольно высоких цен на товары или письменные договоры аналогичного толка, а значит, возникает огромное пространство для сомнения, которое толкуется в пользу обвиняемых, однако это совсем не значит, что такого рода антиконкурентные действия не были совершены.

К слову, Высший Арбитражный Суд высказывал по этому поводу противоположное мнение: так, согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенным в пункте 2 постановления 6 от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства», согласованность действий может быть уста-

новлена и при отсутствии документального подтверждения наличия договоренности об их совершении. Итогом является очередная правовая коллизия - к административной ответственности при сравнительно неполноценной доказательной базе привлекать становится возможным, а к уголовной при той же доказательственной базе - нет.

Следует полагать, что применение принципа баланса частных и публичных интересов не может умалять какие-либо частноправовые институты в угоду публичным интересам, поскольку в противном случае это подрывает основы права. Само собой, наиболее эффективным способом защиты нарушенного права в таком случае возлагается на справедливое правосудие, поскольку судебный контроль действий любых государственных органов есть основа гарантии провозглашенных свобод, однако следует понимать, что судебная защита права была и остается дорогостоящим удовольствием, с точки зрения ряда факторов - экономических, временных, процессуальных. Решение проблемы автор видит во внедрении повышенной ответственности государственных органов за злонамеренное преследование, а также иных институтов общего права, таких как штрафные убытки, поскольку иные компенсаторные гражданско-правовые институты оказываются беспомощны против беспредела со стороны контролирующих органов. Внедрение института штрафных убытков поставит государственные органы в действительно равное положение - судебные процессы станут одинаково дорогостоящими для обеих спорящих сторон.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 4. - Ст. 445.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П "По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ "АвтоВАЗ" и "Комбинат "Североникель", обществ с ограниченной ответственностью "Верность", "Вита - Плюс" и "Невско - Балтийская транспортная компания", товариществ с ограниченной ответственностью "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" и гражданина А.Д. Чулкова" // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 23. - Ст. 2409.
5. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.07.2011 № 36-011-9 // ГАС «Правосудие».
6. *Самылов И.В.* Особенности определения вины организаций в российском законодательстве // Вестник Пермского университета. - 2013. - № 1. - С. 167-173.
7. *Сорокин В.Д.* Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. - СПб.: Б.и., 2002. - 85 с. //Юридическая мысль. - 2002. - № 4. - 85 с.
8. *Кибальник А.* О новеллах в системе сексуальных преступлений // Уголовное право. - 2012. - № 6. - С. 25-27; *Кинев А.Ю.* Уголовная ответственность за карттели: практика применения статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации //

Юридический мир. - 2013. - № 3. - С. 9-18; *Колоколов Н.А.* Истина и справедливость как базовые ценности уголовного судопроизводства // *Мировой судья.* - 2012. - № 8. - С. 2-7; № 9. - С. 2-7; № 10. - С. 2-7; № 11. - С. 2-9; № 12. - С. 2-9; *Япрынцев Е.В.* Проблемы привлечения к административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами // *Административное и муниципальное право.* - 2012. № 10. - С. 63-68.

9. *Кинев А.Ю.* Уголовная ответственность за картели: практика применения статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Юридический мир.* - 2013. - № 3. - С. 9-18.

В.В.Баженов*

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается система политических отношений, участницей которых является личность, определяется ее место и роль в функционировании политической системы. Политические явления, предметы и действующие лица, которые ассоциируются с понятием политики и политической системы, рассматриваются с современных позиций.

Ключевые слова: личность, политическая система, политика, общество, политические отношения, демократия.

THE ROLE OF THE INDIVIDUAL IN THE POLITICAL SYSTEM OF RUSSIAN SOCIETY

Summary. The article examines the system of political relations which it was a party identity is determined by its place and role in the functioning of the political system. Political phenomena, objects and actors associated with the concept of politics and political system are considered from the modern point of view.

Keywords: identity, political system, politics, society, political relations, democracy.

Понятие политической системы несколько глобальнее, чем понятие государственного управления, и охватывает многие институты политического процесса. Это понятие также включает в себя неформальные и неправительственные факторы и явления, которые влияют на механизм выявления и постановки проблем, а также на выработку и реализацию решений в сфере государственно-властных отношений. В широком смысле в понятие политической системы входит все то, что имеет отношение к политике.

Рассуждая о политической системе, большинство из нас представляет совокупность определенных явлений, предметов и действующих лиц, которые ассоциируются с понятием политики. Это государство, политические партии, политические институты, символы (флаг, герб, гимн) и так далее. Все эти структурные элементы политической системы связаны с политикой и не могут существовать без определенной зависимости друг от друга. В целом представляется единая **система**, то есть совокупность, все части которой взаимосвязаны так, что изменение хотя бы одной части приводит к изменениям во всей системе.

Политическая система представляет собой упорядоченную совокупность норм, институтов, организаций, а также взаимоотношений между ними, в ходе которых реализуется политическая власть.

В системе политических отношений личность является носителем определенных политических качеств и представляет собой важный элемент политической

* **Баженов Виктор Викторович** - доцент кафедры теории и истории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: vikkgan@mail.ru

системы. Нельзя сказать, что проблема личности, ее взаимоотношения с государством, место и роль в политической системе изучены полностью, тем более на современном этапе, в изменяющемся российском обществе [1]. В сущности, личность представляет собой сложное понятие, которое развивается, формируется и складывается лишь в обществе. В силу своей природы человек нуждается в общении с другими людьми. Личность в обществе формируется не только в силу своих индивидуальных качеств, но и под воздействием общесоциальных явлений [2].

Личность является совокупностью значимых для общества качеств, которые характеризуют индивида как члена того или иного общества, как продукт общественного развития. Можно сказать, что личность - это социальная характеристика человека, определяемая мерой усвоения человеком всестороннего опыта, приобретенного в обществе.

Некоторые ученые связывают понятие личности с активной жизненной позицией человека либо с его включенностью в политическую деятельность. Стоит подчеркнуть, что социально пассивный и не участвующий в политической жизни индивид может обладать многими весьма важными социальными качествами. Как субъект политики личность представляет собой индивида, который принимает активное и осознанное участие в политической деятельности, оказывает определенное воздействие на политический процесс.

Древнегреческий философ Аристотель говорил, что человек - существо политическое, потому как он живет в государстве и вынужден так или иначе заниматься политикой. К данному высказыванию античного мыслителя можно добавить, что если человек сам не имеет никакого отношения к политике, не хочет либо не умеет участвовать в политической жизни общества, то он все равно становится объектом чужой политики [3].

Британский философ Дж. Локк впервые в научной теории дифференцировал такие понятия, как личность, общество и государство. На первое место по своей значимости он поставил именно личность. В силу этого он стал родоначальником теории либерализма, провозглашающей свободу личной индивидуальности, права и свободы каждого человека он определил высшей ценностью. Благодаря появлению и развитию гражданского общества началось продвижение от «мы» к «я». Свободные граждане-индивиды начали проявлять себя, отстаивать свои политические интересы.

В Конституции Российской Федерации гарантированы основные права и свободы личности, которая обладает правом свободно выражать свои взгляды и убеждения, за исключением взглядов экстремистского характера; вступать в общественные организации и движения; самостоятельно формировать общественные организации и политические партии; принимать участие в представительных органах власти; избираться в любые представительные органы и властные структуры; участвовать в управлении делами государства и так далее.

Необходимо различать личность как субъект права и личность как субъект политики. Личность признается субъектом политики тогда, когда она обладает определенным политическим капиталом (доверием, репутацией, влиянием), имеет свои либо групповые политические цели и интересы, занимается политической деятельностью для их воплощения в жизнь.

Индивид становится субъектом политического процесса, когда он способен привлечь на свою сторону значительный политический потенциал и готов защищать свои интересы в реальном противоборстве. Субъект политики, избегающий

политической борьбы утрачивает свою субъективность, то есть статус субъекта политики.

Существует несколько вариантов участия либо неучастия личности в политической жизни. Так, личность может принимать в ней активное участие, избирая свое призвание смыслом жизни, а конкретнее, - профессией. Возможно локальное участие, при котором индивид участвует в политической жизни общества в зависимости от ситуации, решая свои либо групповые проблемы, выполняя свой гражданский долг (например, участвуя в выборах). Также выделяют мотивированное неучастие, выражающееся в виде протестного поведения.

Характерным для тоталитарного и авторитарного режима является мобилизационное участие, при котором индивида принуждают принимать участие в тех или иных общественных и политических мероприятиях (характерно для времен СССР, когда человека, который отказывался пойти на голосование либо на митинг, могли лишить тринадцатой зарплаты, отодвинуть его очередь на получение жилья и т.д.), в этом случае личность не является субъектом политики.

В первых трех случаях личность выступает в роли субъекта политики, так как в некоторой степени может оказывать воздействие на политический процесс. Безразличные к политике и пассивные личности легко поддаются политическим манипуляциям и зачастую становятся объектом чужой политики.

Вовлеченность личности в политическую сферу жизни зависит от различных факторов, таких, как уровень политической культуры; гражданское самосознание; индивидуальная социальная активность личности; социальная, политическая и экономическая ситуация.

В жизни некоторые граждане, разуверившись в эффективности своего личного участия в политическом процессе, больше не желают в нем участвовать. Другие не участвуют в силу своей пассивности, а третьи игнорируют политические мероприятия по своим собственным соображениям. Многие предпочитают в день проведения политических или общественных мероприятий поработать или заняться иными важными для них делами. Аристотель указывал на то, что люди среднего достатка мало занимаются политикой, поскольку вынуждены зарабатывать себе на жизнь в то время, как другие митингуют.

В политической системе Российской Федерации количество простых граждан - субъектов политики - весьма ограничено, так как нет достаточно развитых институтов гражданского общества и соответствующей нормативно-правовой базы, которые способствовали бы вовлечению граждан в политическую деятельность.

В политическом процессе выделяют две основные формы политического участия граждан - прямое и опосредованное [4]. Прямое участие подразумевает, что индивид или группа лично участвует в том или ином политическом мероприятии. Так, участие в выборах депутатов парламента является прямым. Опосредованное участие осуществляется через избранных представителей. Примером может послужить всенародно избранный парламент, который от имени своих избирателей формирует правительство, издает законы, то есть осуществляет политическое управление страной.

Наиболее распространенным способом участие в политической сфере происходит через представителей. Поэтому в таких случаях к ним больше подходит определение «участники политического процесса» [5]. Участники политического процесса - это индивиды, группы, организации, различные социальные общности, принимающие участие в тех или иных политических событиях или политической жизни в целом.

Политический процесс раскрывает движение, динамику, эволюцию политических явлений, конкретное изменение их состояний во времени и пространстве. Имея свои интересы и цели в политике, свои способы и методы достижения этих целей и при этом проявляя повышенную политическую активность и инициативу, участник политического процесса, как правило, не обладает всеми вышеперечисленными качествами. Он может сознательно или неосознанно принимать участие в политических событиях, может случайно быть вовлеченным в эти события или стать их участником по принуждению.

Следует отметить, что субъекты и участники могут меняться местами в ходе развития политических событий. Так, рядовой участник массового политического события может осознать свой интерес в политике и в связи с этим выдвинуться в лидеры либо быть избранным на руководящую политическую должность, а бывший субъект политики, утратив легитимность и занимаемую должность, может пополнить ряды простых участников политического процесса.

Одной из важных функций политического участия в демократическом обществе является участие в выборах с целью формирования органов государственной власти. Также политическое участие является одной из эффективных форм политической социализации граждан. Участвуя в политических событиях, граждане формируют некоторые значимые политические качества.

Демократизация российской общественной жизни влечет за собой устранение монополии центрального аппарата на власть, преодоление отчуждения социальных общностей, личностей от политической власти, всех элементов политической системы Российской Федерации.

Существенным недостатком политической системы Российской Федерации является разобщенность государственных институтов и институтов гражданского общества (государства и общества), отсутствие действенных механизмов влияния общества на государство. Осознавая этот недостаток, Президент Российской Федерации В.В.Путин предложил создать Общественную палату Российской Федерации, которая является связующим звеном между обществом и государством. В настоящее время она стала одним из важных общественно-политических институтов российской политической системы.

В целом же российская политическая система находится в стадии формирования и развития. *События последних лет, в частности становление правовой системы, совершенствование законотворческого процесса, поиски компромисса между законодательной и исполнительной властью, функционирование многопартийной системы и другие позитивные элементы позволяют сделать оптимистический прогноз развития политической культуры в России. Здесь важно отметить, что в ряду важнейших направлений в этом плане должны стать последовательное укрепление индивидуальной и общественной духовной свободы, создание реальных механизмов для проявления гражданской политической активности людей, вовлечение их в управление государством и контроль за его деятельностью.*

Библиографический список

1. См. подроб.: Комаров С.А. Личность в политической системе российского общества: политико-правовое исследование. - Саранск, Изд-во Мордовского университета, 1995. - 208 с.

2. См.: *Комаров С.А.* Личность. Права и свободы. Политическая система // С.А. Комаров, И.В. Ростовщиков. - СПб.: Изд-во Юридического института, 2002. - 336 с.
3. См.: *Аристотель.* Политика // Аристотель: соч. в 4 т. /пер. с древнегреч. С. Жебелева. - М.: Мысль, 1983. - Т. 4. - С. 384.
4. См.: *Марченко М.Н.* Теория государства и права. - М.: Зерцало, ТЕИС, 2015. - 640 с.
5. *Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций в 3-х ч. - СПб.: БГТУ, 2004. - С. 23.

С.Л.Гайдук*

ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В статье рассматривается механизм обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации с учетом деятельности органов местного самоуправления как субъектов системы обеспечения продовольственной безопасности. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления действующего механизма продовольственной безопасности в Российской Федерации с участием органов местного самоуправления для его полноценного функционирования.

Ключевые слова: механизм обеспечения продовольственной безопасности, продовольственная безопасность, органы местного самоуправления.

LOCAL GOVERNMENTS IN THE MECHANISM OF ENSURING FOOD SECURITY: THEORETICAL-LEGAL ANALYSIS

Abstract: The mechanism of ensuring food security of the Russian Federation, taking account of local authorities as subjects of the system of food security. The conclusion about necessity of legislative consolidation of the existing mechanism of food security in the Russian Federation with the participation of the local authorities for its proper functioning.

Key words: mechanism of food security, food security, local self-government bodies.

Вопросы обеспечения продовольственной безопасности признаны одними из приоритетных в каждом государстве, следовательно, им уделяется огромное внимание, в том числе и в научном мире. Среди таких вопросов, многими поднимается вопрос о механизме обеспечения продовольственной безопасности в России, поскольку отсутствие четкого, отлаженного механизма препятствует достижению продовольственной независимости страны и обеспечению ее безопасности. Введенные с 2014 года и действующие до сих пор санкции и антисанкции относительно импорта и экспорта многих продуктов питания выявили необходимость корректировки государственной экономической политики, продовольственной системы государства, значительной корректировки существующего механизма обеспечения продовольственной безопасности, а также введения механизма импортозамещения.

Механизм обеспечения продовольственной безопасности представляет собой совокупность оценочных критериев жизнедеятельности населения и устойчивого

* Гайдук Сергей Леонидович - и.о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tgp.ryazan@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-03-00704 «Функции органов местного самоуправления в механизме обеспечения продовольственной безопасности».

развития агропродовольственной системы, инструментов и способов их достижения, направленный на реализацию государственных интересов на внутреннем и мировом рынке продовольствия и предусматривающий создание благоприятных условий для: регулирования процессов продовольственного обеспечения с учетом потребностей населения и эффективного использования ресурсного потенциала; экономического и организационного взаимодействия субъектов агроэкономики в рамках системы продовольственного обеспечения» [1, с. 148].

Исследуя механизм продовольственной безопасности в Российской Федерации, ученые выделяют различные его виды. Так, М.В. Федоровым и А.В. Курдюмовым определены следующие его элементы: социально-экономическая система, производственная система, организационно-управленческая система, финансовая [7, с. 10-15]. Представленная авторами схема больше раскрывает систему государственного регулирования обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации. В данном механизме субъекты системы продовольственной безопасности рассматриваются по трехуровневой системе: общероссийский (федеральный), межрегиональный, региональный уровень (субъекты РФ) [3, с. 16]. Однако, авторами не исследован муниципальный уровень системы обеспечения продовольственной безопасности, который имеет значительную роль в действующем механизме обеспечения продовольственной безопасности.

Данный недостаток прослеживается и в других научных работах [4, 6]. Это обусловлено тем, что все предложения по эффективности механизма продовольственной безопасности основаны на государственном регулировании, субсидировании и протекционизме со стороны государства, которое возможно с помощью финансовых ресурсов федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации. Действительно, опыт многих стран показывает, что устойчивое развитие сельского хозяйства возможно только посредством государственной поддержки. Как мы знаем, органы местного самоуправления являются самостоятельными органами власти и не входят в систему государственных органов. Кроме того, в большинстве случаев их бюджеты являются дефицитными, что тоже не позволяет делать акцент на данные механизмы на муниципальном уровне.

Между тем, «решение проблемы продовольственного обеспечения, продовольственной безопасности требует также системного анализа и поиска оптимального выхода из сложившейся ситуации. При этом поставленная проблема должна решаться как на уровне государства, так и на уровне регионов и муниципальных образований» [2, с. 13].

Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский рассматривают организационно-управленческий, нормативно-правовой и финансово-экономический [5, с. 63] механизмы обеспечения продовольственной безопасности на региональном и муниципальном уровнях. Авторы акцентируют свое внимание на участии органов местного самоуправления в развитии агропромышленного комплекса. Действительно, агропромышленный комплекс играет огромную роль в аграрной политике государства, является важным элементом системы продовольственного обеспечения. Местное самоуправление находится ближе к АПК, в виду чего может передать все его особенности и специфику на его территории.

Организационно-управленческий механизм на муниципальном уровне осуществляется управлениями сельского хозяйства администрации муниципальных образований. Так, в муниципальных образованиях Рязанской области действуют управ-

ления сельского хозяйства администрации муниципальных образований, подотчетное министерству сельского хозяйства и продовольствия Рязанской области.

Нормативно-правовой механизм обеспечения продовольственной безопасности реализуется посредством системы нормативных актов, создающих основу для осуществления деятельности субъектов системы обеспечения продовольственной безопасности. Для органов местного самоуправления - это федеральное законодательство (Федеральные законы: от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 29 декабря 2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», от 07.07.2003 № 112-ФЗ (ред. от 01.05.2016) «О личном подсобном хозяйстве», от 08.12.1995 № 193-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О сельскохозяйственной кооперации», Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 (ред. от 02.07.2013) «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации», от 09.07.2002 № 83-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей», от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», от 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» и другие) и федеральные целевые программы (Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года», Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы»). Региональное законодательство и региональные целевые программы. Например: Закон Рязанской области от 21.12.2016 № 90-ОЗ «О стратегическом планировании в Рязанской области»; Постановление Правительства Рязанской области от 30 октября 2013 г. № 357 «Об утверждении государственной программы Рязанской области «Развитие агропромышленного комплекса на 2014-2020 годы», постановление Правительства Рязанской области от 30 октября 2013 г. № 357 «Об утверждении государственной программы Рязанской области «Развитие агропромышленного комплекса на 2014-2020 годы», «Устойчивое развитие сельских территорий» и другие). На муниципальном уровне (Стратегия социально-экономического развития муниципального образования - Сасовский муниципальный район Рязанской области до 2030 года и другие).

Финансово-экономический механизм регулирования отношений на муниципальном уровне будет отличаться от иных. Поскольку в большинстве случаев местные бюджеты являются дефицитными, то здесь следует учесть, что повышение продовольственной безопасности своей территории органами местного самоуправления возможно посредством разработки, принятия и исполнения комплексных целевых программ инвестиционной привлекательности территории муниципального образования [2].

Таким образом, органы местного самоуправления обладают некоторым инструментарием для обеспечения продовольственной безопасности. Важным фактором обеспечения продовольственной безопасности служит осуществление органами местного самоуправления законодательных, административных, организационных и социальных мер. Среди таких активизация работы по презентации инвестиционных возможностей для привлечения инвестиций в муниципальные образования,

проведение ежегодного мониторинга обеспечения продовольственной безопасности, организация и проведение ярмарок, выставок продукции, производимой агропромышленным комплексом муниципального образования и региона.

Итак, органы местного самоуправления принимают участие в обеспечении продовольственной безопасности. Это подтверждается не только кругом вопросов местного значения, закрепленных в Федеральном законе о местном самоуправлении, но и рядом полномочий, закрепленных в отдельных отраслевых законодательных актах. К тому же, наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере продовольствия подтверждает необходимость участия органов местного самоуправления в обеспечении продовольственной безопасности страны. Между тем, рассматривая продовольственную безопасность на муниципальном уровне, следует отметить, что органы местного самоуправления также участвуют в достижении поставленной цели в сфере обеспечения продовольствия, однако занимают вспомогательную роль в этой системе. Однако, не исключает возможности внесения органов местного самоуправления в механизм обеспечения продовольственной безопасности страны. С учетом анализа нормативно-правовой базы в сфере продовольственной безопасности, а также деятельности местного самоуправления в этой сфере, думается необходимым законодательное закрепление механизма продовольственной безопасности с включением в этот механизм органов местного самоуправления.

Библиографический список

1. *Азарков А.В.* Совершенствование механизма обеспечения продовольственной безопасности: Автореф. дис. ... к.э.н. - Ставрополь, 2013.
2. *Акиндеев Ю.А.* Инвестиционная политика на муниципальном уровне как фактор стабилизации продовольственного рынка [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (65). Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2012/10/2.html (Дата обращения: 20.11.2017)
3. *Курдюмов А.В.* Совершенствование механизма обеспечения продовольственной безопасности: Автореф. дис. ... к.э.н. - Екатеринбург, 2013.
4. *Ломакин П.Н.* Обеспечение продовольственной безопасности России: внутренние и международные аспекты: Дисс. ... к.э. н. - М., 2017.
5. Продовольственная безопасность региона: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014.
6. *Романцов Е.В.* Современный механизм обеспечения продовольственной безопасности России и возможные пути его совершенствования: Дис. ... к.э.н. - М., 2009.
7. *Федоров М.В., Курдюмов А.В.* Особенности механизма обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации // Агропродовольственная политика России. - 2013. - № 12 (24).

И.Е.Громова*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты преступности в подростковой среде. Исследование основано на анализе статистических данных ФСИН за период с 2006 по 2016 годы, где были выявлены положительные изменения.

Ключевые слова: семья, подростковая среда, формирование личности, статистические данные, преступность, воспитательные колонии.

SOME ASPECTS OF THE STATE OF CRIME IN ADOLESCENTS

Summary. The article examines some aspects of juvenile delinquency. The research is based on an analysis of the statistical data of The Federal Penitentiary Service for the period from 2006 to 2016, where positive changes were detected.

Keywords: family, adolescent environment, personality formation, statistics, crime, educational colonies.

*В мире есть две сложные вещи -
воспитывать и управлять.*

(Иммануил Кант)

Детство - это важнейший этап в формировании личности ребенка. Конечно же, большинство родителей старается вложить в воспитание детей как можно больше усилий, но нельзя забывать и тех, кто остался без попечения родителей, тех, кто растет в неблагополучных семьях. В этой ситуации актуальна будет английская пословица: «Не воспитывайте детей, все равно они будут похожи на вас. Воспитывайте себя...». Думаю, эту цитату можно применить и к обществу в целом, работа с преступностью в подростковой среде должна вестись глобально: с группами детей, а также лично, если этого требует ситуация; с родителями, старшими сестрами и братьями и другими родственниками.

Вместе с тем всем понятно, «что и сам ребенок, подросток должен знать свои права и обязанности с тем, чтобы принять правильное решение в той или иной, то есть в любой жизненной ситуации. Но практически дети зачастую не имеют доступа к необходимой информации, так как взрослые чаще всего говорят «нельзя», не объясняя, почему нельзя и как должно, можно, разрешено. Правильнее поступают те, кто объясняет малышу, почему так делать не следует, какими будут последствия, если поступить так или иначе. А может быть, взрослые в семье не могут, или не хотят, или вовсе не придают значения воспитанию правовых навыков у маленького человека? Понятно, что в каждой семье существует своя система воспитания ребенка, иногда система «невоспитания» вообще. А если обратиться к статистике, данные которой иногда шокируют, то дети в семье подвергаются порой сильнейшему угнетению, насилию, постоянным наказаниям за провинности. Получается, что нет места

* Громова Ирина Евгеньевна, магистрант Юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». E-mail: Gromovaiuina@mail.ru

в таких семьях правовому воспитанию, надо просто спасать детей от родных и близких взрослых, в связи с чем заметим, что проблема защиты прав ребенка существует не только в России, но и во всем мире, так как постоянное нарушение прав детей становится пугающе распространенным в последние годы» [1; с. 204].

Винить только семью в том, что несовершеннолетние в силу своих возрастных особенностей совершают различные преступления, свойственные и взрослым, будет несправедливо, так как на формирование личности ребенка оказывает большое влияние окружающая среда: школа, друзья, детские коллективы, «улица», пример любых взрослых, с которыми несовершеннолетний общается, и даже то, что ребенок видит на экране, мониторе и в общественной жизни. Учеными изучаются и анализируются факторы, влияющие на совершение правонарушений несовершеннолетними.

Так, по мнению Ю.М.Антоняна, преступность несовершеннолетних составляет около 15 - 18% преступности в целом, наиболее часто подростки совершают преступления против собственности (80% подростковой преступности), среди которых основное место занимают грабежи, разбои и вымогательство, а также преступления против общественной безопасности и общественного порядка составляют около 7 %, преступления против здоровья населения и общественной нравственности - около 6 %, преступления против личности - около 3 % [2, с.183].

Ради справедливости следует заметить, что лишь 20 % подростков совершают преступления по собственной воле, а остальные - по принуждению, так кто и что заставляет идти на это детей?

В ходе исследования данного вопроса был проведен анализ статистики Федеральной службы исполнения наказаний России [3], где в виде таблицы на сайте ФСИН представлена характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних за период с 2006 по 2016 годы.

Для анализа мы взяли именно этот период - 10 лет, где на контрасте можно увидеть разницу между подростками, которые были рождены в 90-е годы - период развала СССР, и теми, кто родился в период расцвета России, двухтысячные годы.

Анализируя статистические данные, обращаем внимание на то, что среднесписочная численность осужденных в воспитательных колониях за 10 лет уменьшилась почти в 9 раз, что свидетельствует о качественной работе по предупреждению преступности в подростковой среде. Однако по-прежнему основную долю лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, составляют сироты и лица до 18 лет, лишенные родительского попечения. В этом направлении в течение 10 лет тоже ведется работа, этот показатель удалось уменьшить в 5 раз.

Число подростков, которые отбывают наказание в воспитательных колониях *впервые*, удалось уменьшить с 2006 года в 7,5 раз, что является результатом работы всех, кто хотя бы немного касается воспитания детей и подростков. Число тех, кто уже *ранее отбывал наказание*, к 2016 году уменьшилось в 19 раз, что может свидетельствовать об эффективности работы сотрудников воспитательных колоний.

Если проанализировать классификацию преступлений, совершенных несовершеннолетними, то увидим: число убийств (ст. 105 УК РФ) уменьшилось в 7,5 раз; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) - уменьшилось в 10 раз; число изнасилований (ст. 131 УК РФ) - в 3,5 раза; разбоев (статья 162 УК РФ), грабежей (ст. 161 УК РФ) - уменьшилось в 9 раз; краж (ст. 158 УК РФ) - в 13 раз.

Еще одним показателем по несовершеннолетним является количество спиртных напитков промышленного и кустарного производства (л), а также наркотиче-

ских и сильнодействующих веществ (гр.). Алкоголь и наркотики - это одна из наиболее актуальных проблем современного общества, имеющая прямое отношение к подросткам, которые активно употребляют спиртные напитки, а иногда даже и наркотические вещества, глядя на своих родителей и окружающих их взрослых. Судя по статистике, за 10 лет этот показатель практически свели к нулю, но этот вид преступности является наиболее латентным, поэтому наиболее точные показатели, думаю, неизвестны, что само по себе прискорбно. Возможно, статистика лукавит умышленно, чтобы успокоить общество и создать иллюзию благополучия в среде подростков?

Состояние преступности несовершеннолетних в России вызывает обоснованную тревогу в обществе. В решении этой и других задач важная роль принадлежит мерам общей и индивидуальной профилактики, применяемым не только органами внутренних дел, а всеми заинтересованными органами и структурами, а также семьей и школой в целях устранения причин и условий, способствующих преступлениям несовершеннолетних.

Эффективность такой деятельности в значительной степени зависит от того, насколько данные меры базируются на положениях, разработанных криминологией, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, психологией, педагогикой.

Библиографический список

1. Права и свободы человека и гражданина в современном мире: коллективная монография /под общ. ред. Г.Б.Власовой. - Ростов н/Д: Фонд науки и образования, Наука-Спектр, 2016. - 320 с.
2. *Антонян Ю.М.* Криминология: учебник для академического бакалавриата. - 3-е изд. - М.: Издательство Юрайт, 2015. - 388 с.
3. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних // Режим доступа: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Har-ka%20v%20VK/>

Д.В.Ирошников*

ОТРАЖЕНИЕ ТЕОРИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**†

Аннотация. В статье анализируется отражение в действующем российском законодательстве выработанной в науке теории национальной безопасности. Автор анализирует теоретико-правовые основы понятия национальной безопасности, ее объектов, видов и их системы. Рассмотрев выявленные противоречия, автор приходит к выводу о недостаточном отражении некоторых теоретических вопросов обеспечения национальной безопасности в правовой системе России, а также о необходимости комплексных теоретико-правовых исследований.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, общественная безопасность, безопасность личности, государственная безопасность, виды безопасности.

THE REFLECTION THEORY OF SAFETY IN THE CURRENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary. The article analyses the reflection of the current Russian legislation developed in the science of the theory of national security. The author analyzes theoretical and legal bases of the concept of national security, its objects, types and their systems. Having identified the contradictions, the author comes to the conclusion about the lack of reflection of some of the theoretical issues of national security in the Russian legal system, and the need for a comprehensive theoretical and legal research.

Key words: security, national security, public safety, human security, state security, types of security.

На сегодняшний день, к сожалению, не приходится говорить о полностью разработанной в российской науке теории национальной безопасности. Ряд вопросов до сих пор остаются открытыми. Однако исследователи существенно продвинулись в рассмотрении данного вопроса за последние 20 лет, с того момента как в российской науке, политике и СМИ утвердилась категория «национальная безопасность» в качестве обобщающей, и включающей в себя различные виды безопасности (государственную, общественную, экономическую и др.).

Представляется интересным вопрос, насколько разработанная теория национальной безопасности на сегодняшний день представлена в законодательстве России? Отражает ли действующая система законодательства концептуальные теоретическо-правовые основы теории национальной безопасности, выработанные правовой доктриной?

* **Ирошников Денис Владимирович** - доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право» Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: dviroshnikov@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-03-00767 «Безопасность как правовая категория».

Основной нормативный правовой акт, регулирующий вопросы обеспечения национальной безопасности - Федеральный закон «О безопасности» закрепляет, что используемая в законодательстве категория «безопасность» является синонимом национальной безопасности и что она включает в себя такие виды, безопасность государства, общественную безопасность, экологическую безопасность, безопасность личности и иные виды, предусмотренные законодательством.

К основным недостаткам указанного закона с полной уверенностью можно отнести отсутствие статьи, раскрывающей термины и понятия, учитывая его роль в системе обеспечения различных видов безопасности, так как именно он должен содержать понятийно-категориальный фундамент из легальных определений в данной сфере.

Понятие национальной безопасности содержится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года, являющейся базовым документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности. Это понятие в целом можно назвать научно обоснованным, оно соответствует результатам основных научных исследований и в большинстве случаев не подвергается в науке критике.

В документе лаконично и в то же время предельно ясно описана система национальной безопасности России. В стратегии установлено, что «национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации». В этой фразе наконец-то дан ответ на вопрос о том, что национальная безопасность включает в себя оборону страны. Этот вопрос имел важное теоретическое значение, поскольку Конституция включает в себя словосочетание «оборона страны и безопасность государства» (через союз «и», соединяющий однородные члены предложения), существует федеральный закон «Об обороне» и федеральный закон «О безопасности», при этом оба законодательных акта иерархически не связаны, так как не имеют соответствующих упоминаний и отсылок друг к другу. Несмотря на то, что национальная безопасность включает все возможные виды безопасности, разработчики документа определили, что это, прежде всего государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая безопасность и безопасность личности.

Не без определенных противоречий в действующем законодательстве соотносятся категории «опасность», «угроза», «вызов» и «риск», имеющие важнейшее значение, причем не только в теории, но и в правоприменительной практике. В частности, применительно к нормам уголовного права категории «угроза» и «опасность» влияют на целый ряд практических вопросов в рамках определения состава преступления, назначение наказания и т.п.

Весьма интересна сформулирована задача Совета Безопасности Российской Федерации, закрепленная в Федеральном законе «О безопасности» - прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности, оценка военной опасности и военной угрозы, выработка мер по их нейтрализации [1]. Возникает вопрос, почему в рамках военной безопасности Совет Безопасности занимается оценкой угрозы и опасности, а в рамках иных видов национальной безопасности (государственной, экономической, транспортной и пр.) - только угроз? Подобные противоречия определяют необходимость комплексного исследования соотношения понятий «опасность», «угроза», «вызов» и «риск» в их соотношении.

Представляет интерес тот факт, что утвержденная в 2017 году Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года в отличие от ранее принятых нормативных правовых актов и документов стратегического планирования содержит понятия и угрозы и вызова и риска (исключение составляет понятие опасности) [15]. Это указывает на то, что система указных понятий совершенствуется и предпринимаются попытки на государственном уровне унифицировать их в рамках единого документа.

Важно отметить интересную теоретико-правовую особенность места обеспечения безопасности в системе функций государства. Из научных исследований известно, что обеспечение национальной безопасности - одна из основных функций любого государства [25, с. 100]. Федеральный закон «О пожарной безопасности» в рамках данного общетеоретического и в какой-то мере общеизвестного положения закрепляет, что обеспечение пожарной безопасности есть одной из важнейших функций государства. При этом ни обеспечение самой национальной безопасности как обобщающей категории, ни других видов безопасности (государственной, экономической, общественной, информационной и т.п.) действующее законодательство к функциям государства не относит.

Один из главных вопросов в теории национальной безопасности - вопрос об объектах безопасности. Не смотря на определенную эволюцию легального определения национальной безопасности, уже более 20 лет к ее объектам бессменно относятся «личность, общество и государство». Понятия «личность», «общество», «государство» в качестве объектов обеспечения безопасности фигурируют в целом ряде законодательных актов, как общих, так и специальных в частности, в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации», Федеральном законе «О полиции» и др.

Однако и в определении объектов национальной безопасности в нормативных правовых актах существуют противоречия. Так, из определения пожарной безопасности, данного в одноименном законе, пожар наносит ущерб *личности*, согласно определению пожара из того же закона - только *гражданам*. Однако здравый смысл не позволяет оставить за скобками иностранных граждан и лиц без гражданства, что требует расширительного толкования соответствующей нормы. В то же время, в Федеральном законе «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» говорится уже о безопасности *людей*. То есть в данном случае налицо подмена понятий «человек», «личность», «гражданин» при наличии устоявшейся в законодательстве и правовой доктрине категории - безопасность личности.

Вызывают вопросы объекты транспортной безопасности. Анализируя определение транспортной безопасности, В.М. Корякин обращает внимание на его излишнюю лаконичность и сугубо технологический (или механистический) подход. Речь в нем идет о защищенности только транспортной инфраструктуры и транспортных средств и ничего не говорится о безопасности человека - пользователя услугами транспортного комплекса или работающего на транспортном предприятии [24, с. 29].

Отдельный вопрос - нормы уголовного права, отражающие общетеоретические вопросы национальной безопасности. Казалось бы, уголовное право, не допускающее применения по аналогии, имеющее один единственный источник, имеющее особую роль в правовом воздействии на общество, должно быть более других отраслей теоретически, логически и терминологически выверенно. Однако на сегодняшний день в Уголовном кодексе РФ также существуют определенные противоречия

в рамках соотношения категорий национальной безопасности. В частности, глава 29 носит название «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Некорректность указанного названия определяется тем, что фактически конституционный (или государственный) строй является составным элементом понятия государственная безопасность, а точнее одним из ее объектов. В связи с этим употребление понятия конституционного строя как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны наряду с государственной безопасностью недопустимо, поскольку данные понятия соотносятся как часть и целое. Кроме этого, преступления в сфере экстремистской деятельности (ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ) помещены в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», а преступления, связанные с террористической деятельностью (ст. 205, ст. 205.1, ст. 205.2 УК РФ) - в главу 24 «Преступления против общественной безопасности». При этом в соответствии с действующим законодательством терроризм является одним из проявлений экстремизма [2]. Следовательно, нормы, охраняющие общие родовые отношения, не могут находиться в разных главах разных разделов УК РФ. И это лишь некоторые, приводимые для примера, имеющиеся в УК РФ теоретические противоречия.

Один из важнейших, и тем не менее слабо разработанных аспектов в теории национальной безопасности - система национальной безопасности. Видовое многообразие категории «национальная безопасность» сегодня не только не позволяет комплексно раскрыть систему этих видов, но и простое их перечисление в рамках исчерпывающего перечня представляется весьма сложным. В этой связи представляет интерес рассмотреть представленную в действующей системе законодательства систему национальной безопасности.

Анализ действующих нормативных правовых актов и документов стратегического планирования позволил нам раскрыть систему видов безопасности следующим образом. Конституция Российской Федерации упоминает такие виды безопасности, как безопасность (обобщающая категория, синоним национальной безопасности), безопасность государства, государственная безопасность, общественная безопасность, экологическая безопасность. Нам представляется, что упоминаемые в Конституции понятия «государственная безопасность» и «безопасность государства» не тождественные, несмотря на их лексическое сходство. В первом случае речь идет о категории «государство», во втором - «страна». Государство определяется как политическая система власти, как особого рода организация, а страна же характеризуется в большей степени историческим и культурными факторами, включающими население, общность территории, язык и т.п. Таким образом, при употреблении термина «безопасность государства» подразумевается безопасность страны, безопасность России, иными словами, - национальная безопасность. Федеральный закон «О безопасности» содержит такой не исчерпывающий перечень видов безопасности: безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации к основным ее видам относит: государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность и безопасность личности.

Существуют виды безопасности, по которым приняты отдельные федеральные законы, регулирующие вопросы их обеспечения. Это, в частности: пожарная безопасность [3], безопасность дорожного движения [4], безопасность критической ин-

формационной инфраструктуры [5], безопасность пищевых продуктов [6], безопасность зданий и сооружений [7], радиационная безопасность [8], промышленная безопасность на опасных производственных объектах [9], безопасность гидротехнических сооружений [10], безопасность объектов топливно-энергетического комплекса [11] (при этом последние три родственные вида безопасности логично рассматривать в рамках одного обобщающего - техногенной безопасности).

В рамках стратегического планирования отдельных документов удостоены: экономическая безопасность [15], экологическая безопасность [16], информационная безопасность [17], общественная безопасность [19], продовольственная безопасность [18].

При этом сегодня сложно выявить какой-либо критерий, согласно которому по одним видам безопасности принимается федеральный закон, а по другим - лишь документ стратегического планирования. При всей важности и полезности в государственном управлении документов стратегического планирования, на наш взгляд, на сегодняшний день сложилась тенденция, которую нельзя назвать положительной. Многие документы стратегического планирования сегодня принимаются вместо законодательных актов. В последние годы считается, что если Совет Безопасности разработал, а Президент утвердил ту или иную «Стратегию», «Концепцию» или «Доктрину», то на этом правовое регулирование этого вопроса окончено и вопрос считается закрытым. Иными словами, государственные органы нередко подменяют стратегическим планированием правовое регулирование того или иного вопроса.

Ни один документ стратегического планирования, не являющийся источником права в строгом смысле этого слова и не содержащий нормативных предписаний, не подменит федеральный закон, содержащий права, обязанности, полномочия и ответственность. Яркий пример - обеспечение продовольственной безопасности. После отклонения одноименного законопроекта была утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации и комплексное законодательное регулирование теперь отложено на неопределенное время.

Значительное число видов безопасности не имеют специального закона или иного нормативного правового акта, а также документа стратегического планирования. Однако имеется их упоминание в действующем законодательстве, а также определенная система обеспечения. Так, например, Концепция общественной безопасности в Российской Федерации относит к подвидам общественной безопасности пожарную, химическую, биологическую, ядерную, радиационную, гидрометеорологическую, промышленную и транспортную безопасности. При этом все эти виды - не просто результат мыслительной деятельности и отражение в документе идей его разработчиков - они, как правило, имеют нормативное закрепление. Так, например, понятие гидрометеорологической безопасности приводится в Федеральном законе «О гидрометеорологической службе» [12].

Отдельный и весьма важный вид национальной безопасности (с особым статусом) - государственная безопасность. Этот вид безопасности встречается в Конституции Российской Федерации (п. «д». ч. 1 ст. 114), в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» и в других законодательных актах.

Категория «государственная безопасность» была основной во времена СССР и при демократизации общества, переходом к правовому государству наметилась тенденция, которую нельзя назвать положительной, - практически полный отказ от категории «государственная безопасность». Б. Ф. Калачев в связи с этим отмечает,

что еще «с начала 80-х годов из юридических словарей и энциклопедий понятие “государственная безопасность” исчезает. В то же время не ставилось цели полного отказа от этой правовой категории, несомненно, важной для жизнеобеспечения личности, общества и государства» [21, с. 117]. Известно, что государственная безопасность и ее обеспечение - одна из важнейших функций любого государства, ведь человек может чувствовать себя в спокойно лишь тогда, когда его государство находится в безопасности. Органы государственной безопасности являются неотъемлемой частью механизма любого государства; их работа в демократическом обществе находится в правовом поле и направлена, прежде всего, на обеспечение безопасности личности посредством обеспечения государственной безопасности.

В отношении государственной безопасности, сегодня наблюдаются следующие тенденции: во-первых, до сих пор нельзя говорить о полноценной теории государственной безопасности в отечественной науке и, во-вторых, вопросы государственной безопасности в действующих нормативных правовых актах и документах стратегического планирования весьма размыты в системе национальной безопасности (зачастую смешаны вопросы государственной и общественной безопасности), что не позволяет говорить о полноценной правовой основе системы государственной безопасности. Показателем этого является и анализируемая стратегия, в которой в одном разделе смешаны два вида национальной безопасности - государственная и общественная.

Таким образом, при простой попытке перечисления перечня видов безопасности мы сталкиваемся с тем, что разные виды по-разному представлены в системе действующего законодательства - от простого упоминания до комплексного правового регулирования.

Отсутствие той или иной легальной дефиниции в нормативных правовых актах есть не только теоретическая, но и серьезная практическая проблема.

В частности, в соответствии с п. «а» ст. 16 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» отклоняются заявления о приеме в гражданство Российской Федерации и о восстановлении в гражданстве Российской Федерации, поданные лицами, которые «выступают за насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации или иными действиями создают угрозу безопасности Российской Федерации» [13]. Однако понятие и виды таких угроз законодательно на сегодняшний день не определены.

В ст. 30 Федерального закона «Об общественных объединениях» говорится, что «федеральным законом могут устанавливаться виды имущества, которые по сообщениям государственной и общественной безопасности... не могут находиться в собственности общественного объединения» [14]. Данную норму также достаточно сложно применить, так как без закрепления понятия «государственная безопасность» ее объектов указанная формулировка звучит весьма абстрактно.

Значительно более сложный вопрос - о системе национальной безопасности, выделении иерархически взаимосвязанных видов и подвидов. Анализ действующего законодательства дает основание полагать, что экономическая безопасность, являясь видом национальной безопасности включает в себя продовольственную, которая в свою очередь включает в себя безопасность пищевых продуктов. Однако далеко не всегда такую взаимосвязь можно выявить гладко и бесспорно. Для подтверждения данного тезиса можно рассмотреть несколько примеров.

Заслуживает внимания вопрос о соотношении информационной безопасности с государственной, общественной безопасностью и безопасностью личности. Не-

смотря на то, что информационная безопасность является самостоятельным видом национальной безопасности, в таких ее видах, как государственная, общественная и личная безопасность тоже присутствует информационный аспект. В этой связи в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации выделяется «информационная безопасность в области государственной и общественной безопасности», «информационная безопасность личности». Подобная точка зрения на сегодняшний день популярна в отечественной науке [20].

Интересен и неоспорен вопрос о месте пожарной безопасности в системе национальной безопасности. Некоторые исследователи называют ее составной частью общественной безопасности [22, с. 102]. По их мнению, общественная безопасность является видом национальной безопасности, а пожарная, в свою очередь - видом общественной. Подтверждение такому подходу можно найти в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, а также в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации. Однако есть предпосылки говорить о пожарной безопасности как о самостоятельном виде безопасности в системе национальной безопасности.

Во-первых, поскольку пожары несут угрозу не только интересам общества, но и затрагивают интересы государства и личности, учитывая объектный состав пожарной безопасности - личность, имущество, общество и государство.

Во-вторых, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, главы которого разделены именно по объекту защиты от противоправных посягательств, содержит составы правонарушений за нарушение требований пожарной безопасности в главах «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность», «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» и «Административные правонарушения на транспорте». Таким образом, пожарная безопасность имеет системные связи с экологической безопасностью и транспортной безопасностью.

Нельзя не отметить также и то, что на законодательном уровне «транспортная безопасность» и «безопасность дорожного движения» связаны весьма условно, однако на доктринальном уровне безопасность дорожного движения относят к видам транспортной безопасности [24, с. 57]. В систему национальной безопасности, по нашему мнению, должны быть также интегрированы вопросы противодействия терроризму, экстремистской деятельности и коррупции.

Таким образом можно констатировать, что на сегодняшний день система национальной безопасности детально не отражена в действующем законодательстве и документах стратегического планирования. Необходимо также отметить, что помимо неких системных и логических противоречий, в действующем законодательстве нередко имеются неточности в рассматриваемой сфере с точки зрения юридической техники.

Так, например, еще в 2006 году в действующем законодательстве с принятием соответствующего закона понятие «борьба с терроризмом» сменилось более широким понятием «противодействие терроризму», которое наряду с борьбой включает в себя предупреждение терроризма и минимизацию (ликвидацию) последствий его проявления. Однако до настоящего времени в Федеральном законе о Федеральной службе безопасности к направлениям деятельности соответствующих органов до сих пор относится «борьба с терроризмом», при этом в это включается деятельность

по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов. А в рамках введенной в 2010 году в закон о ФСБ статьи 13.1 «Применение органами федеральной службы безопасности мер профилактики» можно с полной уверенностью говорить о том, что данные органы осуществляют не борьбу, а противодействие терроризму.

В заключение можно сделать общий вывод, что в действующем российском законодательстве на сегодняшний день теория национальной безопасности отражена недостаточно, а некоторые вопросы, в частности, система национальной безопасности, пока еще требуют глубокой доктринальной проработки.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс»
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О пожарной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // СПС «КонсультантПлюс»
7. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СПС «КонсультантПлюс»
8. Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О радиационной безопасности населения» // СПС «КонсультантПлюс»
9. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 07.03.2017) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СПС «КонсультантПлюс»
10. Федеральный закон от 21.07.1997 № 117-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О безопасности гидротехнических сооружений» // СПС «КонсультантПлюс»
11. Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СПС «КонсультантПлюс»
12. Федеральный закон от 19.07.1998 № 113-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «О гидрометеорологической службе» // СПС «КонсультантПлюс»
13. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
14. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об общественных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс»
15. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс»
16. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс»
17. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

18. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
19. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс»
20. *Ермаков М.А.* Информационная безопасность государства, личности и общества // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. - Социально-экономические науки. - 2013. - № 18. - С. 40-45.
21. *Калачев Б. Ф.* О фундаментальных понятиях и параметрах категории национальной безопасности // Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. - М., 2002.
22. *Карасев А.Т., Макаркин С.В.* Пожарная безопасность - вид общественной безопасности России (нормативно-правовой и теоретический аспекты) // Вестник ЮУрГУ. - Серия «Право». - 2015. - Т. 15. - № 3.
23. *Корякин В.М.* О соотношении понятия «транспортная безопасность» со смежными понятиями в области безопасности на транспорте // Транспортное право и безопасность. - 2017. - № 11.
24. *Корякин В.М.* Понятие транспортной безопасности и ее место в общей системе национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. - 2016. - № 3.
25. *Редкоус В.М.* К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного Российского государства // Право и государство: теория и практика. - 2009. - № 1.

М.А.Капустина*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ДИАПАЗОН ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Аннотация. В статье анализируются роль и возможности законодателя в правовом регулировании в современных условиях. Издание закона рассматривается как результат сложного законотворческого процесса, важная роль в котором принадлежит концепции закона, правовой политике, правовой экспертизе и мониторингу законодательства и практики его применения. Диапазон возможностей законодателя по регулированию общественных отношений, подчеркивается в статье, во многом обусловлен историческими, культурно-цивилизационными особенностями конкретного государства, его территориальным устройством, а также современными процессами глобализации, регионализации. Утверждается, что законодательное регулирование в современных условиях должно охватывать общественные отношения в техногенной сфере, в сфере охраны окружающей среды (экосистемы), антропогенного воздействия на окружающую среду.

Ключевые слова: правовое регулирование, законодатель, концепция закона, сфера законодательного регулирования, метод правового прогнозирования.

LEGAL REGULATION: THE RANGE OF POSSIBILITIES OF THE LEGISLATOR

Summary. The article discusses the role and possibilities of the legislator in legal regulation in modern conditions. Law edition is viewed as the result of a complex legislative process, an important role in which belongs to the concept of a legislative act, legal policy, legal expertise and monitoring of legislation and practice of its application. The range of possibilities of the legislator to regulate social relations, the article stresses, is due in many respects to the historical, cultural and civilizational features of a particular state, its territorial structure, as well as modern processes of globalization and regionalization. Legislative regulation in modern conditions should cover social relations in the technogenic sphere, in the sphere of environmental protection (ecosystem), anthropogenic impact on the environment.

Keywords: legal regulation, legislator, the concept of legislative act, sphere of legislative regulation, method of legal forecasting.

Правовое регулирование, будучи разновидностью социального регулирования, предполагает упорядочение поведения субъектов права с тем, чтобы реализация ими прав и обязанностей соответствовала установленным в нормах права требованиям, дозволениям, то есть правоустановлениям. Сегодня ведущая роль в правовом

* Капустина Мария Александровна, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доцент, кандидат юридических наук. E-mail: m.kapustina@spbu.ru; mkapustina@list.ru

регулировании общественных отношений отводится законодателю и высшим судебным инстанциям, прежде всего органам конституционного судопроизводства. В российской юридической литературе первым этапом механизма правового регулирования обычно называют издание нормы права и ее общее воздействие (регламентация общественных отношений) в виде нормативного правового акта, включая закон. Однако издание закона - это, по сути, результат сложного законотворческого процесса, важная роль в котором принадлежит правовой политике [1], законодательному проектированию, правовой экспертизе действующих нормативных актов, мониторингу законодательства и практики его применения [2]. Целый ряд особенностей процесса законотворчества проистекает из сложной многоуровневой структуры законодательства в федеративном государстве. Деятельность законодателя, диапазон его возможностей по регулированию общественных отношений необходимо рассматривать в рамках процесса законотворчества в целом, в контексте всей системы правового регулирования.

Модели наиболее эффективных способов взаимодействия субъектов права основаны на согласовании их интересов путем достижения определенного баланса интересов, который выражается в нормах права, прежде всего в нормах законодательства. Таким образом, роль законодателя заключается в том, чтобы выразить в законе определенный баланс интересов, социальное согласие в вопросах права. В таком случае закон сможет обеспечить правовой порядок отношений на основе обезличенных абстрактных норм, позволяющих оценивать действия/бездействие субъектов как правомерные или неправомерные в соответствии с принципами правового равенства, свободы и справедливости. Надо сказать, потребность в правовом упорядочении социальных отношений исторически сопровождает все существование общества, объединяющего фактически неравных индивидов. Причины необходимости правового регулирования коренятся в самом социуме. Право рождено потребностями совместной жизни людей, необходимостью исключения произвола (непредсказуемости) в социальных отношениях; в этом смысле оно выступает мерой (институтом) социальной интеграции [3]. Социум, его структура генетически обуславливают (предопределяют) возникновение и назначение права в обществе, систему правового регулирования [4]. На протяжении всего своего существования люди искали наиболее целесообразные политические и правовые способы взаимодействия. Постепенно, стремясь к предсказуемости и упорядоченности, человечество выработывало юридические нормы взаимоотношений, которые в государственно организованном обществе получали формальное закрепление в законе.

Нельзя не согласиться с Г.В.Мальцевым в том, что государственно-властное упорядочивание общественных отношений, юридически значимой деятельности индивидов на основе юридических институтов способствует систематизации, логической последовательности (непротиворечивости) и эффективности нормативно-правового регулирования, обеспеченного государственной защитой, включая возможность государственного принуждения. Действительно, юридический институт со времен Р.Иеринга рассматривается в качестве элемента правовой системы - юридической конструкции, позволяющей выявить и адекватно формализовать в законодательстве устойчивые (нормальные, типизировавшиеся) модели субъективных прав и юридических обязанностей участников правовых отношений [5].

Первичным элементом права рассматривал юридическую конструкцию и С.С.Алексеев, настаивая на том, что юридические конструкции отражают типич-

ные, повторяющиеся в праве жизненные ситуации, конституируют (нормируют) модельное (типовое) построение правомочий, обязанностей, ответственности, гарантий, процедур [6]. Юридический институт, как правило, получает формальное выражение в тексте законодательства. И это не просто набор законодательных норм, процедур, символов, а устойчивая система взаимосвязанных и взаимозависимых элементов: законодательных принципов регулирования данного вида отношений, юридических моделей субъективных прав и обязанностей, юридических процедур, правовых символов, юридической ответственности, юридических фактов.

Диапазон возможностей законодателя в правовом регулировании во многом обусловлен особенностями правовой культуры. Принципы, процедуры, формы законотворческой деятельности определяются историческими, культурно-цивилизационными особенностями конкретного государства. Большое влияние на законотворчество оказывают процессы федерализации и автономизации (например, Испания, Италия), глобализации и регионализации, а также формирование новых форм межгосударственных объединений, в частности, содружества государств (например, СНГ - Содружество Независимых Государств). Сложное государственное (территориальное) устройство приводит к формированию двух систем законодательства: федеральной и региональной (законодательство субъектов федерации) и, соответственно, к необходимости разграничения сфер законодательного регулирования между федеральным и региональным законодателем, преодоления противоречий и коллизий между федеральными и региональными нормативными правовыми актами, обеспечения единства правового, языкового, экономического и т.д. пространства на всей территории федеративного (сложного по своему территориальному и национальному устройству) государства [7].

История человечества - история войн, миграций, переселений. Государства (национальные государства) возникали зачастую с целью организации общего экономического и политического пространства жизни людей, населяющих определенную территорию (географическое пространство). Целостность современного национального государства определяется прежде всего общностью территории проживания людей, устойчивостью экономических, политических, культурных связей между ними, то есть историко-социокультурной идентичностью людей, объединяемых данным государством [8].

Законотворчество невозможно рассматривать в отрыве от социальных, политических, правообразовательных процессов, происходящих в обществе-государстве (государственно организованном обществе). В Новое время широкое распространение получила теория договорного образования государства, актуальная и в наши дни, так как она соответствует идее правового государства [9]. В рамках этой теории государство рассматривается как «союз свободных людей», как результат договора между людьми, «заключенного ради соблюдения права и общей пользы» [10]. Договорная теория происхождения государства основана на естественно-правовой концепции, на признании естественных прав человека [11]. Идея общественного договора в современных условиях воплощена в конституциях, особенно принятых в порядке референдума (например, в Конституции Российской Федерации 1993 г.), выражающих таким образом социальное согласие в вопросах права. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, их признание и защита - обязанность государства. В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права человека. Таким об-

разом, формирующееся сегодня в России конституционное правопонимание исходит из того, что органы государства и должностные лица обязаны действовать на основе правовых принципов, защищать, охранять и гарантировать права человека. Подобное понимание роли и значения государства в регулировании общественных отношений тяготеет к либеральной традиции правопонимания, в рамках которой законодатель должен воплощать в нормах закона принципы права.

Законодательное регулирование может иметь своей целью либо обеспечение возможности какой-либо деятельности, создание условий, стимулирующих желательное (социально полезное, правомерное) поведение, либо ограничение (недопущение, пресечение) вредоносной деятельности (противоправного поведения). Соответственно, информация, которая в процессе законодательного регулирования передается в текстовой форме закона, должна таким образом воздействовать на субъекты, чтобы в их правосознании сформировались адекватные целям регулирования мотивы и поведенческие установки. Законодательное регулирование эффективно, если законоположения и практика их применения легитимированы субъектами. Легитимация означает восприятие субъектами (общественным правосознанием) законоположений в качестве оснований их поведения и отношений между ними, формирование в правосознании субъектов на основе восприятия ими предписаний закона и практики их применения мотивов правомерного (желаемого, с точки зрения законодателя) поведения.

В современных условиях общественные отношения, социально значимое поведение человека, его мотивы и цели тесно связаны с техногенной сферой и сферой антропогенного влияния на окружающую среду, что не может не учитываться в концепции правового регулирования [12]. Законодательное регулирование должно охватывать в том числе и вопросы упорядочения поведения субъектов права в общественных отношениях в техногенной сфере, в сфере охраны окружающей среды (экосистемы). Воздействие природных явлений на человека и воздействие человека на окружающий мир исследуются в естествознании. Процесс подготовки концепции закона, направленного на регулирование общественных отношений в техносфере, в сфере антропогенного воздействия на окружающую среду должен опираться на интегративный принцип юридических исследований, который позволяет учесть в законопроекте выводы и результаты научно-практических исследований в естественных дисциплинах и, опираясь на них, установить в нормах закона адекватные современным условиям требования разумности, добросовестности и ответственности за наступление неблагоприятных последствий своего поведения, предъявляемые к поведению субъектов.

Оказываемое на человека воздействие природных явлений, например, осадков, атмосферного давления, сейсмических явлений и т.п., физических, химических, физико-химических, биологических или иных (естественных) факторов может носить систематический (повторяющийся) характер. Интересно, что и само время рассматривается как фактор естественного (физического, природного) воздействия на человека, его поведение, сознание, здоровье. В частности, современная наука пытается решить проблему увеличения продолжительности жизни человека, «замедлить» естественные процессы старения человеческого организма. Влияние времени актуально применительно и к предметам, и к явлениям материального мира, например, существуют методы определения изменений свойств различных материалов во времени [13]. Задача законодателя состоит в том, чтобы интегрировать в правовое

регулирование научные методы установления факторов природного воздействия на социальное поведение, общественные отношения, отдельные виды профессиональной деятельности. Особое значение приобретает при этом метод правового прогнозирования последствий и результатов воздействия природных факторов, которые могут иметь в ряде случаев юридическое значение и оказывать влияние на правоотношения. Например, наводнения, землетрясения и другие стихийные бедствия могут повлиять на правовое положение граждан, оказавшихся в зоне бедствия, если на территории стихийного бедствия будет введен режим чрезвычайного положения. Большое влияние природных факторов прослеживается в сфере правового регулирования охраны здоровья человека. Решение вопросов обязательной вакцинации отдельных групп населения, курения в общественных местах и иных современных проблем здравоохранения возможно только на основе анализа и прогнозирования вредного воздействия различных физико-химических, биологических и иных естественных факторов.

Несмотря на проблематичность самой задачи прогнозирования последствий поведения индивидов, современное общество предъявляет весьма высокие требования к индивиду как к субъекту права с точки зрения возможности человека не только воспринимать свои поступки и поступки других людей, но и оценивать предполагаемые последствия своего поведения, даже отдаленные во времени и пространстве. В XXI веке в сфере законодательного регулирования большую часть занимают отношения, связанные с техносферой, с техногенным воздействием, с использованием в общественных отношениях и профессиональной деятельности техники и различных технологий. Результаты и последствия использования техники и технологий, особенно отдаленные во времени и пространстве, не всегда удается определенно и в полном объеме предсказать, а возможные негативные последствия не во всех случаях возможно спрогнозировать и предотвратить. Возможно, наиболее сложно решить задачу правового прогнозирования в области регулирования отношений по охране здоровья граждан, фармакологической индустрии. В этом смысле деятельность врача, например, является поведением, к последствиям которого сегодня предъявляются, может быть, одни из самых высоких требований с точки зрения правового регулирования.

Устанавливаются закономерности природного (естественные нормативы) и техногенного (технические правила) воздействия при помощи разного рода математических исчислений, формул, графиков и т.д. На их основании формулируются технические нормы, производится расчет воздействия факторов природного и техногенного происхождения (например, влияния температурно-влажностного режима на состояние здоровья отдельных групп населения, на состояние конструкций зданий и т.д.). Измерения и расчеты действия природных и техногенных факторов позволяют делать научно обоснованные прогнозы (с известной степенью вероятности) результатов и последствий воздействия конкретных природных и техногенных факторов во временном (например, изменения во времени свойств строительных материалов, лекарственных препаратов) и пространственном измерениях. Подобные расчеты, обеспечивающие предупреждение и недопущение вредных последствий природного и техногенного влияния, в целом ряде случаев оказываются в диапазоне законодательного регулирования, получают закрепление в законодательстве в качестве технико-юридических норм [14]. Например, учет природного и техногенного воздействия ведется в сфере транспорта, в сфере энергетики (атомной энерге-

тики, электроэнергетики), являющейся сегодня одной из наиболее актуальных отраслей правового регулирования как национального, так и международного права [15].

Современная концепция законоотворчества должна охватывать и экологические проблемы. Экологические аспекты деятельности и поведения субъектов связаны с антропогенным воздействием на окружающую среду (*environmental impact*), которое приводит как к положительным, так и к отрицательным (негативным) изменениям в экосистеме. Законодательное регулирование направлено здесь на общественные отношения в сфере производства товаров (продукции) [16], оказания предприятиями и организациями различного рода услуг (например, в сфере транспорта), а также на отношения в сфере научной теоретико-практической (исследовательской) деятельности, например, по освоению космоса, пространства Арктики и Антарктики, исследованию мирового океана, использованию атомной энергии [17] и др.

Антропогенное воздействие сегодня, как правило, неразрывно связано с техногенным влиянием на окружающую среду, так как практически любая человеческая деятельность технотизирована, обеспечена разного рода технологиями. Такое воздействие может быть непосредственным (прямым влиянием), например, путем осушения естественного водоема, или опосредованным (косвенным влиянием), например, в процессе использования водного или воздушного транспорта, освоения мирового океана, космоса, Арктики и Антарктики [18]. Законодательные предписания в сфере экологических отношений должны быть основаны на импакт-показателях, охватывающих разные экологические аспекты деятельности субъектов права и позволяющих рассчитать риски антропогенного воздействия на окружающую среду [19]. Задача законодательного регулирования отношений и поведения, влияющих на экосистему (окружающую среду), состоит в том, чтобы обеспечить включение экологических правил и соответствующих импакт-показателей антропогенного влияния на окружающую среду в систему законодательства. Одним из способов правоустановления в сфере антропогенного воздействия на окружающий мир является разработка государственных стандартов [20], присоединение к которым возможно на добровольной основе. Принятие субъектом, например, при осуществлении производственной деятельности, подлежащей лицензированию, государственного стандарта в качестве критерия своей деятельности, соблюдение государственного стандарта становится юридически обязательным. Несоблюдение требований государственного стандарта в такой ситуации станет основанием для привлечения субъекта к юридической ответственности, в том числе приостановления или прекращения соответствующей деятельности.

Законодательное регулирование в техногенной сфере, сфере взаимного влияния человека и природы методологически должно опираться на системный анализ. Концепция закона должна включать в себя цели законодательного регулирования, пути достижения данных целей, включая альтернативные способы достижения поставленных целей, ожидаемые результаты и возможные риски, связанные с определенными способами достижения целей регулирования. Принципы системного анализа позволяют осуществить, в частности, на стадии подготовки концепции законопроекта, выбор наиболее приемлемого в конкретных социокультурных, политических, экономических условиях варианта управления в определенной сфере общественных отношений на основе сопоставления ожидаемых результатов и возможных рисков. Законодательное регулирование должно соответствовать, кроме того, требованиям экологического и техногенного характера, проистекающим из природных

закономерностей, например, естественных процессов жизнеобеспечения человека или технологических процессов производства [21].

Надо отметить, что Конституционный суд Российской Федерации рассматривает законодательное регулирование как форму правового воздействия, оказываемого законодателем в соответствии с его дискреционными регулятивными полномочиями в частноправовой и публично-правовой сферах [22]. Средства и способы правового воздействия должны быть соразмерны целям правового регулирования, соответствовать принципам правового регулирования, а также социальным, экономическим и иным условиям, в которых осуществляется регулирование. Сфера законодательного регулирования может расширяться за счет появления новых видов отношений, социальных связей, например, информационных (Интернет), экологических (использование атомной энергии, освоение космоса или Арктической зоны и т.д.), а может сужаться за счет отказа от законодательного упорядочения каких-то групп социальных отношений, видов деятельности субъектов. Последняя ситуация, судя по современному положению дел, в меньшей степени вероятна. В то же время в ряде сфер социальных отношений объем законодательного регулирования может сокращаться за счет юридической самоорганизации, например, на основе договора или спонтанно сформировавшегося правового обычая.

Диапазон законодательства в той или иной сфере общественных отношений может меняться в связи с эффективным саморегулированием. Так, в сфере экономических отношений в Российской Федерации государственное регулирование должно быть оптимизированным и направленным на стимулирование самоорганизации участников предпринимательской (хозяйственной) деятельности [23]. Целью государственно-правового регулирования экономических отношений является не столько упорядочение (нормирование) предпринимательской деятельности, сколько обеспечение юридических гарантий экономических прав и законных интересов человека и гражданина, государственных мер защиты свободы экономической деятельности, закрепленных в ст. 8, 17, 18, ч.1 ст.34, ч.1 ст.45, ч.1 ст.74 Конституции Российской Федерации 1993 г. [24].

Библиографический список

1. Важную роль правовой политики как специфической государственно-политической деятельности, направленной «на постановку и решение задач в правовой сфере, воздействующей на экономическую, политическую, социальную и духовную сферы жизни современного российского общества», - подчеркивают С.А.Комаров и Г.М.Азнагулова // См.: *Азнагулова Г.М., Комаров С.А. Правовая политика как категория в юридической науке*// Теория государства и права. - 2016. - № 1. - С. 35-38.

2. Следует согласиться с С.А.Комаровым и И.Г.Веселовым в том, что правовой мониторинг должен рассматриваться в качестве особой «юридической технологии по экспертному обеспечению законодательной деятельности Государственной Думы» // См.: *Веселов И.Г., Комаров С.А. Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (часть 1)* // Вестник Костромского государственного университета. - 2016. - Т. 22. - № 3. - С. 210-216.

3. *Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учебник.* - СПб., 1995. - С. 102-103.

4. *Честнов И.Л. Истоки права* // Истоки и источники права: очерки / под ред. Р.А.Ромашова, Н.С.Нижник. - СПб., 2006. - С. 31.

5. См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника /пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. - СПб., 1905. - С.20-23, 26, 29-30 и др.
6. См.: *Алексеев С.С.* Восхождение к праву: поиски и решения. - М., 2001. - С. 242-244, 277-282.
7. См.: *Капустина М.А.* Право, общество, государство // Правоведение. - 2008. - № 5. - С.99-100.
8. *Мамут Л.С.* Государство в контексте глобализации // Право и политика. - 2004. - № 1. - С. 4.
9. См. подроб.: *Комаров С.А.* Место и роль государства в политической системе// Общая теория государства и права: академический курс в 2-х т./ отв. ред. проф. М.Н.Марченко. Т. 1. Теория государства. - М.: Издательство «Зерцало», 1998. - С.245-246.
10. *Гроций Г.* О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. - М., 1956. - С. 74.
11. См. подробнее: *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. - С. 217-224; *Царьков И.И.* Естественно-правовая доктрина и теория общественного договора: единство двух концепций // Право и политика. - 2005. - № 1. - С. 25-35.
12. См., напр.: Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» //Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 48. - Ст. 4552; *Городов О.А., Стафутин Н.С.* О концепциях целевой модели розничных рынков электрической энергии (мощности) // Бизнес, менеджмент и право. - 2010. - № 1. - С.34-40; *Матияшук С.В.* К вопросу о юридической природе отношений по снабжению электроэнергией //Академический журнал. - 2004. - № 4. - С.36-39; *Редькин И.В.* Правовое регулирование реформы электроэнергетики в России: обязательственное право // Труды института государства и права российской академии наук: обязательственное право. - М.: Ин-т гос. и права РАН, 2008, № 4. - С. 64-90; *Ляхно П.Г.* Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие. - М.: Московский университет, 2014. - 480 с.
13. См., напр.: ГОСТ 31384-2008: Защита бетонных и железобетонных конструкций от коррозии. Общие технические требования; СП 88.13330.2014: Защитные сооружения гражданской обороны.
14. См., напр.: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации и функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности»// Российская газета. 2011. 5 апреля; Постановление Правительства РФ от 22 августа 2003 г. № 516 «О предельных уровнях тарифов на электрическую и тепловую энергию // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 34. - Ст. 3377.
15. См.: Федеральный закон «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 13. - Ст. 1177; Федеральный закон «О государственном регулировании тарифов на электрическую энергию в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 16. - Ст. 1316; 2003. - № 13. - Ст. 1180; 2004. - № 35. - Ст. 3607; 2005. - № 1 (ч. 1). - Ст. 37; № 49. - Ст. 5125; 2006. - № 1. - Ст. 10; Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации» (с изменениями на 13 июля 2015 года) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 48. - Ст. 5711; Городов О.А. О системе договоров, заключаемых в отдельных отраслях энергетики // Закон. - 2015. - № 1; *Городов О.А.* Введение в энергетическое право: учеб. пособ. - М., 2012; *Ляхно П.Г., Зеккер Ф.Ю.* Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование. - М.: Изд-во «Юрист», 2011; *Свирков С.А.* Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии. - М.: Статут, 2013.

16. См., напр.: *Городов О.А.* О стандартах организаций как объектах авторских прав // Правоведение. - 2012. - № 3. - С.104-112.

17. См.: Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 48. - Ст. 4552.

18. Так, при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации организована секция законодательного обеспечения социально-экономического развития Арктической зоны Совета по Арктике и Антарктике, которой руководит Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству // www.gov.ru

19. См., напр.: ГОСТ Р 52.24.661-2004: Оценка риска антропогенного воздействия приоритетных загрязняющих веществ на поверхностные воды суши.

20. См., напр.: ГОСТ Р 54964-2012: Оценка соответствия. Экологические требования к объектам недвижимости; ГОСТ Р 54259-2010: Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Стандартное руководство по сокращению количества отходов, восстановлению ресурсов и использованию утилизированных полимерных материалов и продуктов; ГОСТ Р 54533-2011: Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Руководящие принципы и методы утилизации полимерных отходов; ГОСТ Р 14.07-2005: Экологический менеджмент. Руководство по включению аспектов безопасности окружающей среды в технические регламенты; ГОСТ Р ИСО 14031-2001: Управление окружающей средой. Оценивание экологической эффективности. Общие требования.

21. См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2016 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "СГИВ"» // <http://www.pravo.gov.ru>

22. См., напр.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П; от 25 апреля 2011 г. № 6-П; от 10 декабря 2014 г. № 31-П; от 22 декабря 2015 г. № 34-П; от 30 марта 2016 г. № 9-П и др. <http://www.pravo.gov.ru>

23. См., напр.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П; от 24 июня 2009 года № 11-П; от 30 марта 2016 г. № 9-П и др. <http://www.pravo.gov.ru>

24. См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации 1993 г. /под. ред. С.А.Комарова. - СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2014. - 538 с.

М.Е. Майхир*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ НИМИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы перераспределения полномочий органов местного самоуправления, при этом акцентируется внимание на законодательных новеллах 2014-2016 гг., изменивших первоначальную концепцию Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части осуществления полномочий органами местного самоуправления, и обращается внимание на проблемы реализации новых положений указанного Федерального закона.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, перераспределение полномочий, реформа, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, распределение полномочий.

RELATIONS OF BODIES OF STATE POWER OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE SPHERE OF REDISTRIBUTION OF POWERS BETWEEN THEM

Summary. The article discusses the problem of redistribution of powers of local governments, while the focus is on legislative innovations 2014-2016, which have changed the initial concept of the Federal law of 6 October 2003 No. 131-FZ "On General principles of organization of local self-government in the Russian Federation" in the exercise of powers by local authorities, and draws attention to problems of implementation of the new provisions of Federal law.

Keywords: local government, local governments, devolution of power, reform, state authorities of constituent entities of the Russian Federation, the distribution of powers.

Российский законодатель длительное время пытается найти приемлемую и оптимальную схему взаимоотношений между органами местного самоуправления и государственной власти, которая служила бы интересам граждан, проживающих на территориях муниципальных образований. Новым этапом в правовом регулировании местного самоуправления стало появление института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации.

* **Майхир Максим Евгеньевич**, аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: maxim-me@yandex.ru. Научный руководитель - Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Международного университета в Москве, д.ю.н., профессор С.А. Комаров.

Анализируя изменения правового регулирования полномочий органов государственной власти, можно наблюдать тенденцию к последовательному расширению их полномочий в части возможности осуществления ими, при определенных условиях, полномочий органов местного самоуправления.

Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] не предоставлял какой-либо возможности осуществления полномочий органов местного самоуправления государственным органам власти, в то время как Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 131-ФЗ) [2] уже предусмотрел временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления в силу чрезвычайных обстоятельств или неисполнения муниципальными образованияами своих долговых и (или) бюджетных обязательств.

В дальнейшем принятие Федерального закона № 136-ФЗ от 27.05.2014 «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» (далее - Федеральный закон № 136-ФЗ) [3], который закрепил возможность осуществлять перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации на срок не менее срока полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, продолжило тенденцию к усилению государственных начал и влиянию субъекта Российской Федерации на систему местного самоуправления.

Предполагается, что перераспределение полномочий между ними должно повысить эффективность управления инфраструктурой муниципальных образований и улучшить их инвестиционную привлекательность, а также повысить реализацию проектов развития территорий, сосредоточение ресурсов для эффективного решения одного или нескольких вопросов местного значения. Однако в настоящее время нельзя говорить о широком применении данных положений государственными органами субъектов Российской Федерации, так как соответствующие законы приняты только лишь в 40 субъектах РФ.

Более того, в нововведениях прослеживался курс на увеличение роли государственных органов субъекта Российской Федерации в осуществлении органами местного самоуправления своих полномочий. У ряда ученых имеются опасения, что этот институт несет в себе риски нарушения прав местного самоуправления как с точки зрения возможности ненадлежащего финансового обеспечения указанных полномочий, так и в связи с возможностью отчуждения неопределенного объема полномочий у органов местного самоуправления.

Так, по мнению С.Г.Соловьева, передача на уровень субъекта Российской Федерации всех допустимых полномочий, передача которых разрешена законодательством, составляющих основу местного самоуправления, превратит органы местного самоуправления подобных муниципалитетов в «почтовый ящик» по передаче писем, жалоб и предложений в органы государственной власти субъектов Российской Федерации [4].

Принятие законодательными (представительными) органами власти субъектов Российской Федерации законов о перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти без учета позиции муниципальных органов власти и их последующее исполнение зачастую становится причиной противостояния различных уровней власти, породило большое количество судебных решений в судах разной юрисдикции, где руководители органов местного самоуправления ряда субъектов Российской Федерации, не согласившись с нововведениями, пытались их оспорить. Подобное противостояние различных уровней власти сложилось в Ненецком автономном округе, Архангельской, Воронежской, Московской, Псковской и Свердловской областях.

Как видится, в данной ситуации требуется создание механизмов взаимодействия органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления при разработке и принятии решений, связанных с перераспределением полномочий, которое будет заключаться в своевременном и активном, насколько это возможно, привлечении органов местного самоуправления муниципальных образований субъекта Российской Федерации как в процессе планирования и принятия любых решений, непосредственно их касающихся, в общем, так и при принятии решения о перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований и органами государственной власти, в частности [5].

При этом Е.С.Шугрина обоснованно указывает, что уже имеющиеся формы учета мнения органов местного самоуправления скорее являются фикцией, чем учетом реального интереса местного самоуправления, так как реальными инструментами влияния органы местного самоуправления не наделяются. Ни в одном из законов субъектов Российской Федерации не предусматривается возможность учета мнения населения непосредственно [6].

В сложившейся ситуации для согласованного и продуктивного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, полноценного «вовлечения» населения в решение вопросов местного значения и учета их мнения предлагается закрепить в Федеральном законе № 131-ФЗ положение об учете мнения населения муниципальных образований субъекта Российской Федерации непосредственно либо путем учета мнения органов местного самоуправления муниципальных образований субъекта Российской Федерации или советов муниципальных образований субъектов РФ при перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований и органами государственной власти. Тем более подобные положения имеются в законах Орловской, Тамбовской и Московской областей.

На прошедшем 5 августа 2017 г. в г. Кирове заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления В.В.Путин обратил внимание на необходимость активного вовлечения граждан в решение проблем городов, сёл, посёлков, полного учета мнения людей, их инициативы и предложений как на одно из направлений дальнейшего развития местного самоуправления в нашей стране [7].

Все это свидетельствует об актуальности корректировки механизма перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, закрепления в нем действенных механизмов учета мнения органов местного самоуправления и населения муниципальных образований.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.08.1995 №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 40. - Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 27.05.2014 №136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 22. - Ст. 2770.
4. Соловьев С.Г. Мысли о содержании и перспективах правового института перераспределения муниципальных полномочий // Юридическая наука. - 2016. - № 1. - С. 23-29.
5. См.: Майхир М.Е., Ревнова М.Б. О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований и органами государственной власти Российской Федерации // Юридическая мысль. - 2017. - № 4.
6. Шугрина Е.С. Кто осуществляет полномочия по решению вопросов местного значения, или Опять о перераспределении полномочий // Конституционное и муниципальное право. - 2016. - № 11. - С. 71-75.
7. Стенограмма заседания Совета по развитию местного самоуправления при Президенте Российской Федерации от 5 августа 2017 г. // <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/9/55301>

Е.В. Мицкая*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА КАК ОСНОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Аннотация. В работе автор, говоря о соответствии системы права динамике жизненных потребностей и ее своевременной готовности отвечать вызовам по совершенствованию нормотворческой и правоприменительной деятельности, анализирует проблемы правового регулирования применения наказания в виде штрафа как основного наказания за преступление при его замене иными видами наказания. В данной связи приводятся доводы по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяющие устранить пробелы в системе действующего законодательства.

Ключевые слова: правовое регулирование, уголовный закон, правоприменение, уголовное наказание, виды уголовного наказания, штраф.

THE PROBLEMS OF APPLYING PUNISHMENT IN THE FORM OF A FINE AS THE MAIN PUNISHMENT FOR A CRIME

Summary. In his work, the author, speaking of the conformity of the system of law to the dynamics of vital needs and its timely readiness to meet challenges to improve norm-setting and law enforcement activities, analyzes the problems of legal regulation of the use of punishment in the form of a fine as the main punishment for a crime when it is replaced by other types of punishment. In this connection, the arguments for improving the Criminal Code of the Russian Federation are given, which make it possible to eliminate gaps in the system of existing legislation.

Keywords: legal regulation, criminal law, law enforcement, criminal punishment, types of criminal punishment, fine.

Подвергая все стороны жизни глобальной модернизации на основе верховенства права и обеспечения равенства всех перед законом, национальная система права должна соответствовать данной динамике и своевременно отвечать вызовам по совершенствованию нормотворческой и правоприменительной деятельности.

В этом отношении в российской правовой системе произошли существенные изменения, практическое воплощение которых на новом законодательном уровне было бы невозможным без использования организующего потенциала процессов реализации правовых норм, особенно правоприменения.

Следовательно, в современных условиях развития не может не быть актуальным то, что способствует приближению целей правового государства и гражданского общества.

В настоящее время все еще происходит переосмысление правовых форм, представлений, формируются новые демократические и гуманистические правовые ин-

* **Мицкая Елена Владимировна**, профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург); заведующая кафедрой Южно-Казахстанского государственного университета им.М.Ауезова (Республика Казахстан, Шымкент). E-mail: elenamits@inbox.ru

ституты. Такова диалектика общественной жизни: отношения, возникающие по мере развития общества, постоянно меняются, соответственно, постепенно они изменяют и сферу правового регулирования, а также вызывают обновление осуществления способов и методов механизма реализации права.

Так, например, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также - УК РФ) имеет достаточно нововведений, которые продиктованы изменением жизненных потребностей. Только согласно Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УК РФ подвергся достаточным изменениям: введено понятие «судебный штраф», «коммерческий подкуп», уточняется понимание состояния опьянения, изменилась ответственность за получение взятки, мелкое взяточничество определяется как уголовное преступление, криминализовано посредничество в коммерческом подкупе, в то же время некоторые преступления переклассифицированы в административные правонарушения при условии совершения их впервые, появилась ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа в отношении иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций и другое [1].

Следует подчеркнуть, что установление принципиального соответствия существующей правовой системы действительности может быть прогнозируемым благодаря определению перспектив развития правовой политики государства в соответствующих концепциях на определенный период.

Концептуальные положения реализации правовой политики, как и любой политики государства, имеют долгосрочные перспективы. В концепции планируется введение тех мер, которые улучшат механизм регулирования правовых отношений благодаря коррекции законодательства [2].

Понятно, что претворить в жизнь любые намерения по осуществлению правовой политики без материальной основы, которой является законодательство, было бы невозможно. Таким образом, не умаляя важности деятельности человека как непосредственного исполнителя всех государственных программ, все же отметим, что благодаря законодательству осуществляется правовая политика.

Правовая норма является своеобразным фундаментом, отправной точкой отсчета всего последующего процесса реализации правовой политики. Из этого следует, что эффективность правовой политики зависит от нескольких факторов, но одним из них является качество правовых норм. Поэтому правомерно говорить о том, что от качества правовых норм и четко прописанного механизма их реализации зависят эффективность осуществления правовой политики государства и, соответственно, правовой системы.

Нельзя не согласиться с тем, что развитие правовой системы требует фундаментальной теоретической разработки таких вопросов, как «определение общих закономерностей и особенностей построения системы права и системы законодательства, соотношение системы права и системы законодательства в целом, так и по отдельным отраслям, обоснование выделения и конструирования новых комплексных правовых институтов и др.» [3].

Думается, что от концептуальных разработок видения правовой политики государства может зависеть эффективность только лишь общего регулирования данных процессов, но не эффективность применения законодательства. По нашему мнению, на эффективность применения любой нормы права влияет конструкция

самой нормы, иначе говоря, степень регламентации данной нормой общественных отношений [4, с.162].

Кроме того, на эффективность влияют не только ее собственно юридико-технические свойства, но и ее реализация в конкретном правоприменении, позволяющем увидеть действенность данной правовой нормы. В этом случае мы не говорим о допусках ошибок в правоприменении, но и не исключаем их и признаем, что неправильная квалификация правовой нормы способна повлечь за собой отрицательные социальные последствия.

Соответственно гармонизация национального права с международной правовой средой также будет способствовать дальнейшему развитию национальной системы с учетом международной практики.

В своей концептуальной основе отечественная правовая система должна отойти от репрессивно-карательного содержания к охранно-защитной и предупредительной. В силу этого внимание в Послании Президента Федеральному Собранию обращается на то, что «закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошел на тяжкое преступление, нанес ущерб жизни людей, интересам общества и государства. И конечно, закон должен быть гуманен к тем, кто оступился» [5].

Такой подход находит свое воплощение, в частности, в снижении репрессивности уголовного закона на основе широкого внедрения альтернативных мер наказания.

Однако в уголовно-правовой сфере есть проблемы реализации концептуального подхода по внедрению альтернативных мер наказания, которые, в свою очередь, ставят под сомнение неотвратимость наказания, справедливость вынесения приговора. Применение наказания в виде штрафа имеет сложности, которые не подтверждают концептуальные основы не только альтернативных мер наказания, но и уголовного права в целом по реализации принципа законности, справедливости.

Остановимся на проблеме замены штрафа как основного наказания по ч.5 ст.46 УК РФ [6], потому что замена штрафа как дополнительного наказания любым иным наказанием невозможна ни при каких условиях. Согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ штраф заменяется с учетом ограничений, установленных ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 6 ст. 53 УК РФ, любым, в том числе и не предусмотренным санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, иным основным наказанием, предусмотренным ст. 44 УК РФ, но за исключением лишения свободы. Какой выбор иных основных наказаний? Это обязательные работы, лишение права заниматься определенной деятельностью и исправительные работы. Замена на ограничение свободы не то, чтобы полностью исключается, так как согласно ч. 2 ст. 53 УК РФ это наказание применяется лишь при упоминании о нем в санкции конкретной статьи УК, она возможна, но ограничена исключительно осуждением лица по ч. 1 ст. 204 УК РФ.

Соответственно вопрос сопоставимости штрафа, назначенного в качестве основного наказания, при его замене и иных видов наказаний, их адекватности сейчас полностью отдан на усмотрение судей. Хотя понятно, что он настоятельно требует своего разрешения в целях формирования единообразной правоприменительной практики, исключения тех же коррупционных составляющих и других негативных последствий как для потерпевшего от уголовно наказуемого деяния, так и для самого осужденного. Необходима четкая градация видов наказаний при замене ими основного штрафа.

Как справедливо замечает С.Ф.Милюков, «ни уголовное, ни уголовно-исполнительное законодательство не содержит никаких параметров, позволяющих точно

соотнести штраф и наказания, которыми он заменяется. Мало того, законодатель не ориентирует суд, когда в таких случаях следует применять обязательные работы, а когда исправительные или арест» [7, с. 195].

Специального установленного основания замены основного штрафа лишением свободы нет. Заменить штраф как основное наказание лишением свободы возможно только при коммерческом подкупе или взятке.

Кроме того, в случае невозможности уплатить штраф в силу неплатежеспособности по уважительным причинам речи об уклонении не может быть, и заменять штраф иным видом наказания противоправно.

Далее, если же к осужденному, злостно уклоняющемуся от уплаты штрафа, с учетом ограничений ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 6 ст. 53 УК РФ либо ч. 5 ст. 46 УК РФ не может быть применен никакой другой вид основного наказания, суд отказывает в удовлетворении представления судебного пристава-исполнителя о замене штрафа иным наказанием. И штрафник уходит от негативных последствий привлечения его к уголовной ответственности. Причем в таких ситуациях возможно и неоднократное избежание уголовного наказания в силу действующего УК РФ. Как же тогда быть с неотвратимостью наказания и законностью как базового принципа построения системы уголовного законодательства и регулирования всех уголовно-правовых отношений? Вот почему высказывается предложение о дополнении ст. 46 УК РФ частью шестой следующего содержания: «В случае злостного уклонения от исполнения наказания, менее строгого, чем лишение свободы, назначенного осужденному, злостно уклонявшемуся от уплаты штрафа, неисполненное наказание заменяется лишением свободы» [8]. Данное предложение на первый взгляд противоречит снижению уголовной репрессии, однако оно имеет смысл и не позволит уголовному закону быть бессильным в реальном исполнении уголовного наказания. В частности, в УК Казахстана закреплена возможность замены штрафа на лишение свободы в случае уклонения от уплаты штрафа (ч.3 ст. 41 УК РК) [9]. Это при том, что в УК РК многие санкции смягчены в силу гуманизации уголовного закона.

В силу неплатежеспособности лица, обязанного уплатить штраф, и отсутствия у него имущества, подлежащего принудительному взысканию, судебные приставы-исполнители не прекращают исполнительное производство. Тем самым уголовное наказание превращается в обычное взыскание долга наряду с административным правонарушением, гражданско-правовым конфликтом и практически может стать для должника пожизненным [10].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (включая его последнюю редакцию от 29.11.2016 г.) [11] содержит указания в отношении определения размера штрафа, его рассрочки, назначения штрафа как основного наказания при наличии совокупности преступлений или приговоров, но не раскрывает сопоставимости штрафа при его замене иным видам наказаний, а также не разъясняет вопрос, как вид иного наказания в таком случае определяются исходя из размера неуплаченного штрафа. Хотя Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» устанавливает, что при замене штрафа как основного наказания вид и срок иного наказания в таком случае определяются исходя из размера неуплаченного штрафа (п. 5.2 данного постановления) [12]. Очевидно, что для устранения различного понимания замены штрафа

иными видами наказаний целесообразно в УК РФ указать их виды и пропорциональное соотношение к штрафу с учетом частично уплаченного штрафа.

Кроме того, нельзя признать справедливым отсутствие в УК РФ ограничений для назначения штрафа исходя из категории преступления. Сейчас за грабеж преступник не может лишиться свободы, а за взяточничество - может.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не урегулирована процедура выяснения судом материального положения подсудимого. В случае выяснения данного вопроса в процессе главного судебного разбирательства это может быть расценено как заинтересованность или предопределение судом наказания до ухода в совещательную комнату.

Практика применения штрафов по уголовным делам в Республике Казахстан не менее проблематична. Как обращает внимание Генеральный прокурор Республики Казахстан Ж.К. Асанов, штрафы за преступления находятся на уровне 2010 года, то есть менее тех же пяти процентов [13, с.11]. Имеется ряд проблем, связанных с невозможностью немедленного исполнения штрафов в силу их огромных сумм, отсутствия денежных средств, необходимости их поиска, а также реализации движимого и недвижимого имущества. Для таких случаев законодательством предусмотрена отсрочка уплаты штрафа. По просроченным штрафам выписываются исполнительные листы, в случае неуплаты штрафа по преступлению исполнение наказания заменяется на лишение свободы [14]. И это несмотря на то, что благодаря гуманизации уголовного закона ни одна санкция УК РК за взяточничество сегодня не предусматривает такое наказание, как ограничение свободы. Кратный штраф как альтернативное наказание введен во всех санкциях статей за взяточничество, тогда как ранее по квалифицированным составам применялось только лишение свободы.

Однако в ст. 41 УК РК [9] закреплено, что в случае уклонения от уплаты штрафа, назначенного за совершение преступления, он заменяется лишением свободы из расчета - один день лишения свободы за 4 месячных расчетных показателя с учетом правил назначения лишения свободы. Но при этом в этой норме не предусмотрены правила зачета частично уплаченной суммы штрафа в случае замены штрафа на лишение свободы. В этой связи представляется, что в данной статье необходимо предусмотреть положение о том, что «частично уплаченная сумма кратного штрафа должна пропорционально учитываться при назначении срока лишения свободы».

Тем не менее УК РК точен в определении замены штрафа другим видом наказания в случае уклонения штрафником от его уплаты - замена возможна однозначно только на лишение свободы. На это можно было бы обратить внимание и российскому законодателю.

Таким образом, в УК РФ необходимо закрепить пропорциональную систему исчисления альтернативного штрафа наказания, установив тем самым соразмерность штрафа со сроками альтернативного наказания, учитывая случаи частичной уплаты штрафа; установить наказание в виде лишения свободы для тех, кто уклоняется от исполнения альтернативного наказания при замене им штрафа; ввести ограничения для назначения штрафа исходя из категории преступления. Данные предложения будут способствовать единообразной правоприменительной практике назначения наказания в виде штрафа, позволят снять часть вопросов.

Следовательно, с устранением проблемы применения законов устраняется пробел в системе действующего законодательства, а соответственно и в правовой системе. Такой подход позволит наметить меры обеспечения одного из основных

условий функционирования права как системы - внутренней согласованности ее элементов, имеет существенное значение для разработки мер по повышению эффективности правового регулирования.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»// [http:// www.base.garant.ru](http://www.base.garant.ru)
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 177245// Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 43. - Ст. 5544.
3. *Айтхожин А.А.* Вопросы развития правовой системы Республики Казахстан в контексте реализации Концепции правовой политики // Материалы междунар. науч.-практич. конф. «Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года - новый этап в правовом строительстве», посвященной 60-летию Б.Х. Толеубековой, 19 февраля 2010 г. - Алматы, 2010. - С.24-31.
4. *Тихомиров Ю.А.* Теория закона. - М., 1982. - 256 с.
5. Послание Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 года// [http:// www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages)
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // [http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_10699/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/)
7. *Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография. - СПб.: СПБИНВЭСЭП, Знание, 2000. - 279 с.
8. *Спивак С.Г.* Проблемы исполнения наказания в виде штрафа // Исполнительное право. - 2014. - № 2. - С. 3-5.
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан : закон РК от 3 июля 2014 года № 226-V. - Алматы, 2014.
10. *Коньчев А.А.* Проблемы исполнения уголовного наказания в виде штрафа// [https:// www.pravorub.ru/articles/70503.html](https://www.pravorub.ru/articles/70503.html)
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета, 2015, 29 дек.; Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2016. - № 2.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // [http:// www.kremlin-moscow.com/051626](http://www.kremlin-moscow.com/051626)
13. *Асанов Ж.К.* Приветственное слово участникам первого криминологического форума «Почему в Казахстане мало назначают уголовные штрафы?»// Сборник докладов и аналитических материалов. - Астана: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2016. - 78 с.
14. Как штрафуют за взятки в Казахстане// <http://www.zakon.kz>

Г.З.Санаков*^{*}

ДОКТРИНА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу места и роли доктрины в системе источников права. Доктрина рассматривается как нетрадиционный источник права, имеющий отражение в российском законодательстве. Анализируются доктрины, которые утверждаются указами Президента Российской Федерации, носящими нормативный характер и обладающими особым содержанием. Подчеркивается, что доктрины конкретизируются и раскрываются через систему конституционного законодательства - федеральные законы, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации и другие акты. Формулируются теоретические основы построения национальной доктрины в Российской Федерации.

Ключевые слова: источник права, форма права, доктрина, закон, право, стратегия, национальная доктрина, доктринальное право, конституционное право, теория государства и права.

DOCTRINE IN THE SYSTEM OF SOURCES OF CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIAN FEDERATION

Summary. The Article analyzes the place and role of doctrine in the system of sources of law. The doctrine is considered as an unconventional source of law, which were reflected in the Russian legislation. Analyzes the doctrines which are approved by decrees of the President of the Russian Federation, bearing a normative character, and has special content. It is emphasized that doctrine are specified and disclosed through the system of constitutional laws, Federal Laws, decrees of the Government of the Russian Federation, orders of the Government of the Russian Federation and others. Formulates the theoretical basis for the development of a national doctrine in the Russian Federation.

Keywords: source of law, form of law, doctrine, law, legislation, strategy, national doctrine, doctrinal law, constitutional law, theory of state and law.

Система источников конституционного права в России весьма разнообразна. Понятие «источник права» - достаточно устоявшаяся категория, хотя в юридической науке существуют различные подходы к трактовке этого понятия. Как пишет профессор С.А.Комаров, если исходить из общераспространенного значения термина «источник», то в сфере права под ним нужно понимать силу, создающую право. Такой силой является власть государства, которая реагирует на потребности общества,

* **Санаков Георгий Заурович**, аспирант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Sanakoev George Zaurovich, Postgraduate student of the Institute of state service and management Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation.

развитие общественных отношений и принимает соответствующие правовые решения [1; с. 53].

Помимо понятия «источник права» юристами используется понятие «форма права». Многие их отождествляют, особенно это присуще государствоведам советского периода [2; с.16]. Автор придерживается той точки зрения, что в формальном (юридическом смысле) источником права будут формы выражения воли, это уравнивает понятия «форма права» и «источник права» [3; с. 91]. Таким образом, «источник (форма) права - это объективированные определенным образом правила общественной практики, которые в силу объективных причин признаются обществом и государством как обязательные» [4; с.11].

В теории государства и права традиционно выделяют четыре источника права, а именно правовой обычай (традиция), юридический прецедент, нормативный правовой акт и нормативный договор. За скобками остаются не менее влиятельные в разные исторические эпохи источники формирования права, такие как юридическая доктрина, юридическая практика (деятельность юристов), правосознание и т.д. Не всегда учитывается имеющийся опыт иностранных государств [8].

Основным источником права в Российской Федерации является нормативный правовой акт, причем даже закрепленный в Конституции 1993 года естественно-правовой подход к праву не смог вытеснить нормативного подхода, где стержневым является момент трактовки права через систему нормативных правовых актов, которая весьма разнообразна и классифицируется не только по юридической силе данного акта, но и по субъекту, его издающего.

Наибольшей юридической силой в системе подзаконных нормативных правовых актов обладают указы Президента Российской Федерации. Но акты Президента могут носить как нормативный, так и ненормативный характер. Нормативные акты Президента Российской Федерации адресованы неопределенному кругу лиц. Указы и распоряжения Президента ненормативного характера адресованы конкретным лицам и не носят общеобязательного характера (например, указы по кадровым вопросам или наградам).

Помимо указов и распоряжений Президент Российской Федерации часто издает концепции, планы и доктрины, которые также утверждаются его указами, носящими нормативный характер, но обладающими особым содержанием. Они также приобретают статус формы права. Доктрины могут быть весьма разнообразны, но чаще всего они формируются в среде ученых и в стенах университетов и используются практически в каждой правовой системе.

В романо-германской правовой семье доктрина была выработана в XIII-XV вв. и являлась основным источником права в течение длительного времени.

В системе англо-саксонского права мнения судей часто опираются на доктринальное право, которое само потом приобретает черты доктринальности в прецеденте. В романо-германской системе нормативные правовые акты используют принципы права, выработанные в университетской научной среде, тем самым совершенствуется законодательство и создаются правовые понятия.

Мусульманское право, основанное на принципе авторитета и наиболее догматичное, использует в качестве основного источника религиозные тексты, основанные на доктринах, трудах и изречениях древних теологов-юристов, знающих ислам.

Термин «доктрина» не понимается однозначно. Она используется в понятиях «учение», «теория», «руководящий принцип», «идея». Некоторые ученые под право-

вой доктриной понимают мнение ученых-юристов по тем или иным вопросам правотворчества или правоприменения [5; с.45]. Правовая доктрина признается источником права прежде всего потому, что имеет оформленную структуру и письменную форму выражения, а также ее реализация обеспечивается в нормативных правовых актах. Т.М. Пряхина определяет доктрину как «научную теорию, получившую официальное признание, посредством воплощения ее положений в программных документах политического характера, нормативных правовых актах, договорных нормах, решениях органов государственной власти» [6; с.10].

Право принятых в науке мнений было нередким явлением в истории права. Мнение науки, ученой юриспруденции получало значение нормативных фактов как внутригосударственной, так и международной правовой жизни. Л.И.Петражицкий отмечает, что учения отдельных юристов или их групп иногда получают в правовой жизни значение нормативных фактов, то есть он выделяет право учений отдельных юристов или их групп. Ссылки на великих юристов или на известные юридические школы, причем не только на современные, а чаще на древние, использовались при составлении новых нормативных сборников или вынесении решений.

В юридической литературе конституционную доктрину понимают в широком и узком смысле этого слова. В широком смысле - это основополагающие взгляды, идеи, концепции, устанавливающие стратегические перспективы конституционного развития на определенный период. В узком смысле этого слова - это документ, имеющий нормативный характер, раскрывающий содержание конституционных принципов и норм, на основе которого строится дальнейшая законодательная база Российской Федерации [7; с.110-111]. Главным и объединяющим началом становится то, что законодатель так или иначе должен учитывать тенденции, которые фиксировались в доктрине. Прежде всего это касается правовых понятий, которыми пользуется законодатель, а также методологии толкования законов.

В разных странах правовые доктрины понимают по-разному. Во Франции ценятся доктрины практического характера, касающиеся сугубо прикладных и практических аспектов права.

В Германии и Италии предпочтение отдается фундаментальным, академическим доктринам, далеким от практики, но питающим ее теоретико-правовыми знаниями.

Так сложилось, что в Российской Федерации конституционные доктрины издаются в виде указов и распоряжений Президента Российской Федерации, имеющих нормативный характер. На сегодняшний день в Российском государстве приняты следующие доктрины: «Доктрина национальной безопасности Российской Федерации», «Военная доктрина Российской Федерации», «Доктрина информационной безопасности России», «Экологическая доктрина Российской Федерации», «Климатическая доктрина Российской Федерации» и другие.

Обычно доктрины конкретизируются и раскрываются через систему конституционного законодательства - Конституцию Российской Федерации, законы Российской Федерации, конституционные федеральные законы, федеральные законы, а также через постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации и др.

Рассмотрим Национальную доктрину Российской Федерации (далее - Национальная доктрина), основной документ, отражающий официально принятую в государстве политику, стратегию развития и национальную идею относительно исторической миссии и смысла существования России.

Национальная доктрина должна быть основана на национальной идее, фактической истории и государственно-правовой идеологии России и направлена на дальнейшее развитие государства как представителя нации. Национальная идея - государственно-правовая концепция благосостояния, прав и свобод человека, выраженная в осознанном патриотизме.

Национальная доктрина оставляет за Российской Федерацией право применять информационные, политические, дипломатические, экономические, экологические, военные и иные средства защиты своих национальных интересов и интересов союзников.

Правовой основой Национальной доктрины служат Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства Российской Федерации.

Национальная доктрина верифицируется посланиями Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и может корректироваться в рамках процедур народного референдума и прочих законных инициатив.

Таким образом, доктрина является источником и формой выражения российского права. Особенность конституционной доктрины в Российской Федерации заключается в том, что она как обязательный документ закрепляется в указах и распоряжениях Президента Российской Федерации, имеющих нормативный характер. Доктрина - это документ, имеющий долгосрочный характер и стратегическое значение. Доктрины служат основой формирования законодательства, основных институтов и отраслей права, закрепляющих фундаментальные, основополагающие нормы. Они также закрепляют основы формирования правовой политики в различных направлениях развития общественных отношений и лежат у истоков развития доктринального права, которое в определенных условиях наряду с нормативным правовым актом становится источником права в России.

Библиографический список

1. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд. - СПб: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2012. - 520 с.
2. *Кечекьян С.Ф.* Советское социалистическое право и его источники. - М., 1967. - 165 с.
3. *Бошно С.В.* Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. - 2003. - № 1. - С. 90-96.
4. *Бошно С.В.* Правотворчество: путь от источника к форме права: лекции. - М.: Изд-во РАГС, 2002. - С. 102.
5. *Мамитова Н.В.* Этнокультурные традиции в праве //Юридическая мысль. - 2017. - № 2. - С. 43-48.
6. *Пряхина Т.М.* Конституционная доктрина современной России /под ред. В.Т. Кабышева. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. - 150 с.
7. *Романов Е.Б.* Конституционная доктрина как один из видов источников науки конституционного права // Вестник Томского государственного университета. - 2010. - № 330. - С. 105-115.
8. См.: *Гуринович А.Г.* Применим ли опыт США к российским политическим реалиям? // Социологические исследования. - 1994. - № 10. - С. 154-158.

Е.В.Середа*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье анализируются проблемы реализации права лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, на получение медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинская помощь, Конституция Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, подозреваемые, обвиняемые, осужденные.

PROBLEMS OF THE REALIZATION THE RIGHT TO RECEIPT THE MEDICAL CARE BY THE PRISONERS IN THE PENITENTIARY FACILITIES

Article annotation. This article contains an analysis of the problems of the realisation the right to receipt the medical care by the prisoners in the penitentiary facilities.

Keywords: The medical care, Constitution of Russian federation, Penal Corrections Code of Russian Federation, suspected persons, defendant persons, convicted persons.

Право граждан Российской Федерации на получение медицинской помощи закреплено в ст. 41 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о том, что «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [1].

Из этого следует, что и подозреваемые, и обвиняемые, и осужденные лица, как и все граждане Российской Федерации, также имеют право и на охрану своего здоровья, и на получение медицинской помощи на бесплатной основе и из тех же источников, из которых эту помощь получают все граждане нашей страны независимо от того, совершили ли они преступление или нет. Таким источником, конечно, является бюджет Российской Федерации.

Ст. 26 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8], конкретизируя это положение, говорит о том, что задержанные лица, заключенные под стражу, отбывающие наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста, имеют право на получение медицинской помощи. Практически такая же норма содержится и в ч. 6 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, в которой указы-

* **Середа Елена Васильевна**, заведующая кафедрой национальной безопасности и правоохранительной деятельности юридического факультета Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: evs.54@mail.ru

Sereda Elena V., head of the Department of national security and law enforcement activities of the law faculty of the Moscow state linguistic University, doctor of legal Sciences, Professor.

вается, что «осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения» [6].

Находясь в изоляции от общества, а значит, и вдалеке от медицинских учреждений, осужденный гражданин не имеет возможности самостоятельно реализовать свое право на получение медицинской помощи. В этой связи ст. 101 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации налагает обязанность по оказанию этой помощи на сотрудников пенитенциарного учреждения. Норма этой статьи прямо указывает, что «администрация исправительных учреждений несет ответственность за выполнение установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных» [6].

Это же относится и к гражданам, находящимся в статусе подозреваемых и обвиняемых. Их права на получение медицинской помощи наряду с указанной статьей Конституции Российской Федерации закреплены также и в п.9 ст.17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [9].

Одновременно в соответствии со ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при избрании меры пресечения суду необходимо наряду с учетом тяжести содеянного, личности подозреваемого или обвиняемого принимать во внимание также и состояние здоровья подозреваемого [7], что на практике происходит далеко не так часто, как хотелось бы. Поэтому и состояние здоровья лиц, находящихся в изоляции от общества, далеко от идеала.

Например, статистика говорит о том, что 90% всех лиц, находящихся в местах лишения свободы и заключенных под стражу, страдают различными заболеваниями и находятся на диспансерном учете. В полтора раза чаще они страдают заболеваниями органов дыхания, выявляются психические расстройства, увеличивается количество ВИЧ-инфицированных. Иначе говоря, показатели состояния здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, в значительной степени отличаются в худшую сторону от общенациональных показателей. При этом серьезную озабоченность вызывает также слабая диагностическая база исправительных учреждений, качество предоставляемой осужденным медицинской помощи, а также профессиональная подготовка специалистов.

Исправить ситуацию путем подключения к организации медицинской помощи органов здравоохранения, на территории которых находятся пенитенциарные учреждения, Правительство Российской Федерации пыталось не один раз.

Одним из вариантов изменения ситуации в лучшую сторону не так давно виделась возможность передачи функций по обеспечению медицинского обследования и соблюдения санитарно-гигиенических условий в пенитенциарных учреждениях от Федеральной службы исполнения наказаний гражданской структуре. Частично, вернее, лишь на бумаге такая передача состоялась.

Имеется соответствующий приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации от 17.10.2005 г. № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» [4]. Однако реально этот приказ не заработал.

Поэтому была предпринята еще одна попытка изменить ситуацию в лучшую сторону с помощью Постановления Правительства Российской Федерации от 28 де-

кабря 2012 г. № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [3].

Кроме того, Федеральным законом «О внесении изменений в статью № 110 УПК РФ и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [11] была закреплена возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу при выявлении у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. В рамках исполнения уже этого Федерального закона Постановлением Правительства Российской Федерации были утверждены Перечень заболеваний и Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений [3].

С целью выявления больных лиц при помещении их в штрафной или дисциплинарный изолятор, а значит, для того, чтобы избежать ухудшения состояния их здоровья во время нахождения там, что может зачастую привести к печальным последствиям, был принят Федеральный закон «О внесении изменений в статью 117 УИК РФ» [10], которым вводится обязательность проведения медицинского осмотра осужденных и выдачи медицинского заключения при водворении в штрафные изоляторы (дисциплинарные помещения). Детали проведения такого медосмотра прописаны в приложении к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 09.08.2011 г. № 282, закрепившему порядок проведения медицинского осмотра перед переводом осужденных в помещения камерного типа, судебные помещения камерного типа, одиночные камеры, а также водворения в штрафные и дисциплинарные изоляторы и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в указанных помещениях по состоянию здоровья, законодательно предусмотрена возможность применять к подозреваемому или обвиняемому, страдающему заболеванием, меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества [5].

Однако, имея множество новаций в области обеспечения прав лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, на практике мы сталкиваемся с разным уровнем их правового регулирования, начиная с Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и заканчивая такими подзаконными актами, как постановления Правительства Российской Федерации и приказы Министерства юстиции Российской Федерации.

Поэтому поддержку вызывают усилия авторского коллектива по подготовке научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации под руководством проф. В.И. Селиверстова [2], в которой предлагается в Общей части нового кодекса отдельную статью посвятить праву осужденных на охрану здоровья независимо от того, какой вид наказания он отбывает. В ст. 42 этого проекта фактически обобщены нормы всех законодательных актов, о которых говорилось выше и которые систематизированы и помещены в одну статью.

В ней говорится, что «осужденные, отбывающие уголовные наказания в виде ограничения свободы с направлением в специализированное государственное учреждение, ареста, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы на определенный срок или пожизненного лишения свободы, имеют право на полу-

чение медицинской помощи в медицинских организациях учреждений, исполняющих данные уголовные наказания. При невозможности оказания медицинской помощи в медицинских организациях учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде ареста, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы на определенный срок или пожизненного лишения свободы, осужденные имеют право на оказание медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, а также на приглашение для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Лечебные и консультационные услуги для осужденных, отбывающих лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы, оплачиваются за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на эти цели федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных» [2].

В этой же статье специально закрепляется право на оказание медицинской помощи осужденным беременным женщинам, женщинам во время родов и в послеродовой период, в том числе в медицинских организациях охраны материнства и детства за счет федерального бюджета.

Статья 42 проекта закрепляет также положение, в соответствии с которым «осужденные, отбывающие уголовные наказания без изоляции от общества и иные меры уголовно-правового характера, имеют право на получение медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения на общих основаниях в соответствии с законодательством Российской Федерации» [2].

Представляется, что закрепление всех норм, регламентирующих реализацию права осужденных на получение медицинской помощи в одном кодифицированном законодательном акте уровня Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [6], вызывает поддержку и одобрение. Хочется надеяться, что проект модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации не останется без внимания наших законодателей.

Библиографический список

1. См.: Конституция Российской Федерации // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под научн. ред. засл. деятеля науки, д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2017.
3. См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 (ред. от 19.05.2017) "О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46464/
4. См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации от 17.10.2005 г. № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56331/

5. См.: Приложение к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 09.08.2011 № 282//http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119010/

6. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/

7. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации //
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

8. См.: Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

9. См.: Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7270/

10. См.: Федеральный закон «О внесении изменений в статью № 110 УПК РФ и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108806/

11. См.: Федеральный закон «О внесении изменений в статью 117 УИК РФ» //
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/277df0d96ea0097102c100d939b46a56293a9e58/

И.А. Соловьева*

В.М. Чупров**

О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСТРАНЕНИИ ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы постоянного и временного устранения пробелов в праве, особое внимание уделяется роли в этом процессе Конституционного Суда Российской Федерации, его правовым позициям и правовым последствиям принятых им решений.

Ключевые слова: пробел в праве, Конституционный Суд Российской Федерации, правовая позиция, юридическая техника, конституционная законность.

ABOUT THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ELIMINATING GAPS IN THE LAW

Summary. In the article the questions of permanent and temporary elimination of gaps in the law, special attention is paid to the role in this process, the constitutional Court of the Russian Federation, the legal positions and legal effects of its decisions.

Keywords: gap in law, the constitutional Court of the Russian Federation, legal position, legal techniques, constitutional legality.

По вопросам понятия, сущности и классификации пробелов в правовой науке высказываются различные мнения, но в одном все авторы едины: это отрицательное явление в праве, существенный недостаток, требующий устранения. "Чем меньше пробелов в действующем законодательстве, тем более оно совершенно, тем больше будет укрепляться законность. И наоборот, множество пробелов в развитой системе законодательства свидетельствует о ее несовершенстве, о низком технико-юридическом качестве принимаемых нормативных актов" [1]. Как верно отмечает В.В. Гриценко, пробелы дестабилизируют правопорядок, затрудняют нормальную реализацию норм, создают дополнительные трудности в правоприменительной деятельности, снижают эффективность действия законодательства [2]. Кроме того, пробелы создают питательную среду для злоупотреблений недобросовестных участников правоотношений.

Одной из причин возникновения пробелов в праве может являться то, что действующая норма содержит в себе ссылку на закон или иной нормативный акт, кото-

* **Соловьева Ирина Андреевна**, аспирантка кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: Научный руководитель - доктор юридических наук профессор С.А. Комаров.

Solovyova, Irina A., postgraduate student, Department of theory and history of state and law of Juridical Institute (Saint-Petersburg). Scientific supervisor - doctor of legal Sciences, Professor S. A. Komarov.

** **Чупров Владимир Михайлович**, и.о. ректора ФГБОУ ДПО «Новомосковский институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности», к.ю.н. E-mail: chuprov1706@mail.ru

Chuprov Vladimir M., acting rector of FGBOU DPO "Novomoskovsk Institute of improvement of professional skill of executives and experts chemical industry", PhD in law.

рый еще не принят. При возникновении подобных ситуаций мы неизбежно сталкиваемся с трудностями правоприменения, вызванными отсутствием правового регулирования, зачастую оказываясь в тупике, выход из которого не всегда удается найти даже в суде.

На помощь в подобных ситуациях к нам приходит Конституционный Суд Российской Федерации, который в своем определении от 9.04.2002 № 68-О подчеркнул, что "пробел в правовом регулировании, сохраняющийся в результате бездействия органов государственной власти, не может служить непреодолимым препятствием для разрешения спорных вопросов, если от этого зависит реализация вытекающих из Конституции Российской Федерации прав и законных интересов граждан и организаций" [3].

Приведем конкретный пример. В силу п. 2 ст. 164 Налогового кодекса Российской Федерации налогообложение НДС по ставке 10% производится при реализации ряда продовольственных товаров, товаров для детей, периодических печатных изданий, медицинских товаров отечественного и зарубежного производства. Коды видов продукции, облагаемых НДС по ставке 10%, в соответствии с Общероссийским классификатором продукции, а также Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности, определяются Правительством Российской Федерации. К сожалению, соответствующие акты были им приняты со значительным опозданием: в отношении периодических печатных изданий и книжной продукции, а также продовольственных товаров и товаров для детей - в 2004 г., в отношении медицинских товаров - в 2008 г.

Образовавшиеся пробелы привели к налоговым спорам, связанным с отнесением товаров к льготным видам продукции. В этих условиях суды выработали устойчивую правовую позицию: отсутствие перечня, утвержденного Правительством Российской Федерации, не является основанием для отказа налогоплательщику в праве применения ставки 10% в случае реализации им товаров, перечисленных в п. 2 ст. 164 Налогового кодекса Российской Федерации. До принятия и вступления в силу соответствующих подзаконных актов суды преодолевали указанные пробелы, применяя по аналогии положения Общероссийского классификатора продукции, а также иных правовых актов.

Восполняет пробелы в праве и сам Конституционный Суд Российской Федерации. Его постановление от 15.03.2005 № 3-П по делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 278 и ст. 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абз. 2 п. 4 ст. 69 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан [4] является тому примером.

В п. 5 данного постановления говорится о том, что ст. 279 Трудового кодекса Российской Федерации, предоставляя сторонам трудового договора право определять размер компенсации, выплачиваемой руководителю организации в случае досрочного расторжения с ним трудового договора, не закрепляет ее минимальную величину, что истолковывается в правоприменительной практике как легальная возможность устанавливать компенсацию в размере, не отвечающем цели данной выплаты, либо не устанавливать ее вообще и потому не выплачивать.

Далее Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что досрочное расторжение с руководителем организации трудового договора без указания мотивов такого решения требует предоставления ему повышенной компенсации, а ее

минимальный размер должен быть сопоставим с выплатами, предусмотренными действующим законодательством для сходных ситуаций расторжения трудового договора с руководителем организации по не зависящим от него обстоятельствам. Во всяком случае, компенсация не может быть меньше, чем при расторжении трудового договора в связи со сменой собственника организации (ст. 181 ТК РФ). По сути, Конституционный Суд Российской Федерации установил новое правовоположение, дал правоприменителю указание, какой нормой необходимо руководствоваться в случае возникновения спора.

Данное разъяснение Конституционного Суда Российской Федерации, несомненно, подтолкнуло законодателя к внесению изменений в ст. 279 Трудового кодекса Российской Федерации, новая редакция которой говорит о том, что в случае прекращения трудового договора с руководителем организации в соответствии с п. 2 ст. 278 ТК РФ при отсутствии виновных действий (бездействия) руководителя ему выплачивается компенсация в размере, определяемом трудовым договором, но не ниже трехкратного среднего месячного заработка [5]. Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации, безусловно, играет большую роль в выявлении пробелов и дефектов законодательства, указывая путь их устранения.

Еще одним примером выявления Конституционным Судом Российской Федерации дефектов норм права служит п. 1 ст. 7 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях". Данная норма предусматривает, что уведомление о проведении публичного мероприятия (за исключением собрания и пикетирования, проводимого одним участником) подается его организатором в письменной форме в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления в срок не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия. При проведении пикетирования группой лиц уведомление о проведении публичного мероприятия может подаваться в срок не позднее трех дней до дня его проведения, а если указанные дни совпадают с воскресеньем и (или) нерабочим праздничным днем (нерабочими праздничными днями), - не позднее четырех дней до дня его проведения [6].

Положения ч. 1 ст. 7 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" не содержат каких-либо специальных правил их применения в случаях, если установленный ими срок подачи уведомления полностью приходится на нерабочие праздничные дни. В системе правового регулирования публичных мероприятий эти законоположения имеют характер общих (принципиальных) требований, предъявляемых к реализации права на свободу мирных собраний, а потому их конкретизация обеспечивается в системной взаимосвязи с иными нормами действующего законодательства, в том числе с ч. 2 той же статьи, согласно которой порядок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия регламентируется соответствующим законом субъекта Российской Федерации.

В результате в условиях сложившейся на основе действующего федерального законодательства о собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях правоприменительной практики, включая практику применения регионального законодательства, организатор публичного мероприятия, дата проведения которого требует подачи уведомления в срок, полностью приходящийся на нерабочие праздничные дни, оказывается в ситуации недопустимой неопределенности относительно надлежащего порядка подачи соответствующего уведомления и при отсутствии на то кон-

ституционных оснований в нарушение вытекающей из Конституции Российской Федерации обязанности государства обеспечивать признание, соблюдение и защиту конституционного права на свободу мирных собраний на основе юридического равенства лишается возможности провести это публичное мероприятие. При этом, поскольку вопрос о сроке подачи организатором публичного мероприятия уведомления о проведении публичного мероприятия имеет существенное значение с точки зрения реализации конституционного права на свободу мирных собраний и потому требует специального законодательного регулирования с учетом характера соответствующих правоотношений как имеющих публично-правовую природу, исключается возможность применения в данном случае в целях восполнения неполноты правового регулирования частноправовых (гражданско-правовых) норм по аналогии (ст. 193 ГК Российской Федерации).

В результате чего ч. 1 ст. 7 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее ст. 19 (ч. 1 и 2), 31 и 55 (ч. 3) в той мере, в какой содержащиеся в ней положения - по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, - не обеспечивают возможность подачи уведомления о проведении публичного мероприятия для случаев, когда определяемый по общему правилу срок подачи уведомления (не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия) полностью совпадает с нерабочими праздничными днями [7].

Рассмотрим еще один пример выявления Конституционным Судом Российской Федерации недостатков действующего законодательства.

Так, ст. 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства (п. 1 ст. 1119), в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии (ст. 1156).

На практике существуют расхождения в применении норм данной статьи, поскольку она не позволяет однозначно определить круг лиц, в пользу которых можно совершить отказ от наследства.

С тем чтобы в контексте изменившегося правового регулирования скорректировать практику определения круга лиц, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 44 постановления от 29 мая 2012 г. № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" интерпретировал положения п. 1 ст. 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации как допускающие отказ от наследства лишь в пользу лиц из числа наследников по завещанию, а также тех лиц из числа наследников по закону любой очереди, которые призваны к наследованию.

В результате данного официального судебного толкования отказ от наследства в пользу лиц из числа наследников по закону после 29 мая 2012 г. рассматривается судами общей юрисдикции как способ перераспределения долей между призванными к наследованию лицами из числа наследников по закону, относящихся к одной очереди.

Спор возникает в отношении того, может ли наследник отказаться от наследства в пользу лица, к наследству не призванного, скажем, наследника второй очереди при наличии наследников первой очереди.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие в самом тексте абз. 1 п. 1 ст. 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации специального указания на то, каким образом можно совершить направленный отказ от наследства - в пользу любого лица, входящего в круг наследников (ст. 1142 - 1145 и 1148 ГК Российской Федерации), призванных к наследованию, либо независимо от их призвания к наследованию обуславливает осуществление отказа от наследства в пользу других лиц наследником, призванным к наследованию и вследствие этого обладающим правом на наследование имущества умершего (ст. 35 ч. 4 Конституции Российской Федерации), обстоятельствами и условиями реализации им данного права, а также ставит решение вопроса о круге лиц, в пользу которых наследник вправе отказать от наследства, той или иной судебной инстанцией в зависимости от того, как по времени соотносится рассмотрение соответствующего гражданского дела с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" [8].

Абзац 1 п. 1 ст. 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации был признан не соответствующим Конституции Российской Федерации Постановлением Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П в той мере, в какой данное законоположение в силу неопределенности своего нормативного содержания в части определения круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказать от наследства, допускает возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения института направленного отказа от наследства в этой части.

Однако изменения в норму до сегодняшнего дня внесены не были.

В связи с этим хотелось бы отметить, что отрицательно на развитие права в данном случае влияет то, что законодатель не ограничен во времени устранения выявленных Конституционным Судом РФ дефектов права, что приводит к неоправданному затягиванию принятия таких решений. Представляется, что данный срок должен быть четко регламентирован и закреплён на законодательном уровне.

Однако решение Конституционного Суда РФ о признании нормы неконституционной и не подлежащей применению может явиться и причиной возникновения пробела. Согласно ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу с момента провозглашения постановления Конституционного Суда Российской Федерации. Это означает, что с момента вступления в силу соответствующего решения Суда такие акты не могут применяться и реализовываться каким-либо иным способом [9]. Пробел возникает вследствие того, что закон, утративший силу, уже не действует, а новый еще не принят. В силу п. 4 ст. 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" пробел в правовом регулировании, образовавшийся из-за признания нормативного акта полностью или частично неконституционным, влечет непосредственное применение к спорным правоотношениям положений Конституции Российской Федерации вплоть до принятия нового нормативного правового акта [10].

Данная норма предусматривает, что преодоление пробелов должно происходить с использованием конституционных норм и принципов в качестве основы для аналогии закона и аналогии права. При этом какие-либо ограничения для отдельных отраслей не применяются. Это имеет особое значение для таких отраслей российского права, как, например, налоговое право, которые не содержат прямого указания на возможность применения аналогии закона (права).

В связи с этим А.В.Демин справедливо отмечает, что непоследовательность законодателя состоит в том, что, указав на Конституцию как на спасательный круг для преодоления пробелов, он забыл про отраслевую и межотраслевую аналогию [11].

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что основным средством устранения пробелов в праве остается нормотворчество, регулярный мониторинг действующих нормативных актов и своевременное внесение в них изменений и дополнений [12]. Не случайно Конституционный Суд Российской Федерации относит восполнение пробелов к исключительной прерогативе законодателя [13]. Только законодатель имеет возможность полностью и окончательно устранить пробел в норме права, другие участники правоотношений зачастую лишь восполняют пробелы применительно к отдельным конкретным случаям.

Библиографический список

1. См.: *Пиголкин А.С.* Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. - 1970. - № 3. - С. 51.

2. См.: Концептуальные проблемы развития теории налогового права современного Российского государства: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / Гриценко В.В. Саратов, 2005. С. 194.

3. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2002 г. № 68-О "По запросу Арбитражного суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 5 статьи 83 Бюджетного кодекса Российской Федерации, статей 4 и 11 Закона РФ "О донорстве крови и ее компонентов" // Вестник КС РФ. - 2002. - № 4.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 № 3-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан" //Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 13. - Ст. 1209.

5. *Жильцов М.* Дефектные нормы // ЭЖ-Юрист. - 2008. - № 33.

6. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 08.06.2012) "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 25. - Ст. 2485.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2014 № 14-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с жалобой гражданина А.Н. Якимова // Собрание законодательства РФ. - 2014. - №21. - Ст. 2764.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П "По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука" // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 1. - Ст. 79.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 78-О "По ходатайству Высшего Арбитражного Суда РФ об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 г. по жалобе гражданки И.В.Петровой на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде РФ" // Вестник КС РФ. - 2004. - № 5.

10. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 04.06.2014) "О Конституционном Суде Российской Федерации" (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № . 13. - Ст. 1447.

11. *Демин А.В.* Неполнота и фрагментация в системе налогово-правового регулирования: постановка проблемы // Административное и муниципальное право. - 2012. - № 6. - С. 75-81.

12. См.: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд. СПб.: Изд-во Юридического института, 2012. - С. 316-322.

13. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 года. № 60-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерно-коммерческого банка "Вятка-банк" о проверке конституционности части четвертой ст. 15 Закона РФ "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" // СПС "КонсультантПлюс".

В.Н. Старовойтов*

ПРАВО НА АБОРТ: ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. В статье анализируются вопросы искусственного прерывания беременности в аспекте естественных прав человека. Определяется история нормативно-правового регулирования аборт, правовой статус эмбриона, осознание его ценности, что связано с возникновением христианства. Обосновывается историческая либерализация законодательства об абортах.

Ключевые слова: права человека, искусственное прерывание беременности (аборт), эмбрион, репродуктивные технологии.

THE RIGHT TO ABORTION: HISTORY AND PRACTICE

Summary. The article focuses on the issue of abortion in the aspect of natural human rights. Is determined by the history of the legal regulation of abortion, the legal status of the embryo, the awareness of its value that is associated with the emergence of Christianity. Substantiates the historical liberalization of legislation on abortion.

Keywords: human rights, abortion, embryo, reproductive technology.

Искусственное прерывание беременности (аборт) всегда относилось к категории наиболее трудноразрешимых этических и юридических вопросов. В настоящих условиях этот вопрос приобретает ещё большую остроту. Этично ли и законно ли умерщвлять уже зарождённую жизнь? Не противоречит ли это естественным правам человека? Допустимы ли те методы искусственного аборта, которые применяются сейчас? Возможно ли использование изъятых эмбрионов и плодов в производстве лекарств и, особенно, косметических средств? Вот некоторые из очень многочисленных проблем искусственного прерывания беременности.

Первыми нормами об аборте были деонтологические врачебные правила. Клятва Гиппократов категорически запрещала врачу искусственно прерывать беременность женщины [1]. Однако Аристотель считал, что искусственный аборт допустим в демографических целях, но только до того момента, когда в зародыше формируется «чувствительность и двигательная активность» [2].

В древнем Риме аборт широко практиковался. Поначалу в римском праве зародыш трактовался как часть тела матери, поэтому женщина не подвергалась наказанию за умерщвление плода или изгнание его из утробы. Позднее эмбрион - «имеющий родиться», был наделён некоторыми гражданскими правами. Искусственный аборт квалифицировался как преступление в случае, когда он использовался в целях получения имущественных прав. При этом пострадавшими признавались родители [3, с. 198].

Осознание ценности эмбриона связано с возникновением раннего христианства, когда аборт стали отождествлять с убийством человека. Однако, по утверждению

* **Старовойтов Виктор Николаевич** - юрист, генеральный директор юридической кампании «Старвика». E-mail: jurist.piter@yandex.ru

Starovoytov Viktor N., lawyer, General Director legal campaign "Starvika".

М.Д. Шаргородского, объектом этого преступления признавалась нравственность, а не жизнь ребёнка [4].

В России смертная казнь за аборт (незаконно зачатых) была введена в 1649 г. (Уложение царя Алексея Михайловича), а отменена только столетие спустя [5]. Проект уложения 1813 г. употребляет термин «детоубийство» для обозначения «убийства детей в утробе матери» [6].

В дореволюционном законодательстве России чётко различались случаи *разрешённого* законодательством искусственного аборта, произведённого врачом с целью спасения жизни женщины и аборта, произведённого самой женщиной или каким-либо посторонним лицом с *преступной целью* прекращения беременности. Принадлежность лица, производившего криминальный аборт, к медицинской профессии (сюда относились, как правило, и повивальные бабки) считалось отягчающим обстоятельством.

К XX столетию в медицинской доктрине уже появились понятия «аборт по просьбе» и «аборт по медицинским показаниям». Первым государством, легализовавшим «аборт по просьбе», стала Советская Россия. В совместном постановлении Наркомздрава и Наркомюста от 18.11.20 г. говорилось: «Допускается бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ей максимальная безвредность» [7].

Во многом эта мера была направлена против криминальных абортёв. До 1930 г. в СССР ещё публиковалась статистика об абортах, которая свидетельствовала о постоянном росте их числа [3, с. 203]. Открытая в эпоху гласности официальная статистика об абортах засвидетельствовала, что в СССР был самый высокий в мире показатель числа абортёв.

Рамки легальности аборта были радикально расширены в 1987 г. когда Минздравом СССР был издан приказ № 1342 о прерывании беременности по немедицинским показаниям [8]. Этот документ разрешал по желанию женщин прервать беременность при большом сроке беременности (до 28 недель), если документально подтверждались такие обстоятельства, как многодетность (более 5-ти детей) и т.д. К этому необходимо добавить, что в нашей стране всегда существовал длинный перечень *медицинских* показаний, который давал право на прерывание беременности до 28 недель.

Таким образом, на протяжении последних десятилетий законодательство об аборте становилось всё более и более либеральным.

В настоящий момент в рамках европейских стран можно выделить 4 типа законодательства об аборте [3, с. 219]. Данное обстоятельство напрямую связано с преобладанием в каждой стране своего понимания человека.

Первое «самое либеральное» законодательство разрешает «аборт по просьбе» (в небольшой группе стран, в том числе и в России).

Второе «довольно свободное» законодательство разрешает аборт по многочисленным медицинским и социальным показаниям (Англия, Венгрия, Исландия, Кипр, Люксембург, Финляндия).

Третье «довольно строгое» законодательство разрешает аборт лишь при некоторых обстоятельствах: угрозе физическому или психическому здоровью женщины, инкуберируемые дефекты плода, изнасилование, инцест (Испания, Португалия, Польша, Швейцария).

Четвёртое «очень строгое» законодательство, которое или вообще запрещает аборты или разрешает их в исключительных случаях, когда беременность

представляет непосредственную опасность для жизни женщины (Северная Ирландия, Мальта).

Представляется, что проводить границу между абортom и убийством наиболее верным было бы по моменту, с которого плод признается жизнеспособным вне тела матери. Уничтожение жизнеспособного плода (даже при условии нахождения его в организме матери) должно быть признано детоубийством. Исключением из этого правила должны быть случаи, когда операция по извлечению живого плода не может быть проведена по состоянию здоровья матери. При этом, надо отметить, что предложенная граница между абортom и детоубийством вовсе не означает момент возникновения права на жизнь. Граница между бытием и небытием человека, а значит и между отсутствием прав и их наличием, как уже говорилось раньше, однозначно может быть определена только по моменту оплодотворения. Именно здесь прослеживается та самая необходимая причинно-следственная (каузальная) связь, которая позволяет чётко выявить причину и условие появления человека - оплодотворение и правильно протекающую беременность.

Долгое время важнейший вопрос о моменте возникновения права на жизнь эмбриона и/или плода человека российская уголовно-правовая доктрина решала, основываясь на условных и недостаточно обоснованных критериях.

Ещё одной иллюстрацией отношения к статусу эмбриона, а значит и к юридическому определению человека, является правовое регулирование биомедицинских экспериментов на эмбрионах человека.

Основанием для таких экспериментов явилась технология искусственного оплодотворения, которая приводит к созданию большого количества эмбрионов, из которых многие оказываются невостребованы для лечения бесплодия. В связи с этим, «лишние» эмбрионы могут быть использованы для научных, диагностических и иных целей. Это может трактоваться как потребительское отношение к человеку.

Следует отметить, что используются не только «лишние» эмбрионы, но и гаметы (половые клетки) человека, живые и мёртвые предимплантационные эмбрионы, постимплантационные эмбрионы или живые утробные плоды, находящиеся как вне, так и внутри матки, мёртвые эмбрионы и плоды [9]. Эксперименты на эмбрионах являются очень «удобными» для исследователей по двум причинам. Во-первых, человеческие эмбрионы являются живым *человеческим* организмом. В связи с этим, выводы, сделанные в результате опытов на эмбрионах обладают бóльшей научной достоверностью, по сравнению с результатами экспериментов на животных и мёртвых плодах. Во-вторых, постоянное осуществление операций по прерыванию беременности, искусственному оплодотворению обеспечивает постоянное пополнение источника биоматериала.

Создавшаяся ситуация привела к тому, что в конце 80-х гг. XX столетия международными организациями начал всерьёз обсуждаться вопрос о единственном призывании эмбриона - быть рождённым в качестве ребёнка. В частности, Рекомендация Совета Европы 1046 (1986г.) об использовании человеческих эмбрионов и утробных плодов для диагностических, терапевтических, научных, промышленных и коммерческих целей [10] в пункте 5 преамбулы указывала на то, что с момента оплодотворения яйцеклетки, человеческая жизнь развивается непрерывно, и нет возможности отделить первую фазу её развития (эмбриологическую) от других фаз. В связи с этим, документ обращал внимание европейских стран на острую необходимость дать определение биологическому статусу эмбриона. При этом, подразумевалась уз-

кая трактовка понятия «эмбрион». В частности, указанное требование не распространялось на *утробный* плод, то есть уже имплантированный и достигший более поздней стадии своего развития. В связи с этим, его онтологический статус считается менее спорным, чем статус эмбриона.

Относительно исследований на эмбрионах и плодах существует два основных документа, принятых в рамках Совета Европы:

- Рекомендация 1046 (1986 г.) по использованию человеческих эмбрионов и утробных плодов для диагностических, терапевтических, научных, промышленных и коммерческих целей [10];

- Рекомендация 1100 (1989 г.) по использованию человеческих эмбрионов и утробных плодов в научных исследованиях [9].

В 1983 г. был образован европейский Комитет экспертов по биоэтике (САНБИ). Он сосредоточил своё внимание на вопросах, связанных с вспомогательной репродукцией и экспериментами на эмбрионах [11].

В России нет специального законодательства по регулированию экспериментов и исследований на эмбрионах. Однако методы репродуктивной технологии широко *внедряются* в медицинскую практику. Расширяется использование тканей и органов плодов человека [12].

Единственным документом, имеющим косвенное отношение к упомянутому вопросу, является Положение о порядке проведения патолого-анатомических вскрытий, утверждённое Приказом Минздравмедпрома России от 29 апреля 1994 г. N 82 [13]. Пункт 2 главы IV гласит: «Абортусы и мертворожденные в сроки беременности до 22 недель и массой менее 500 г вскрываются выборочно в научно-практических целях без оформления свидетельства о перинатальной смерти».

Юридической основой исследований на эмбрионах, а также абортов явились положения большинства международно-правовых документов, в частности, Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [14] и др. Указанные документы признают наличие достоинства, а значит, и права на жизнь, за *уже рождёнными* людьми.

Библиографический список

1. *Гиппократ*. Избранные книги. - М.: Сварог, 1994. - С. 87-88.
2. *Аристотель*. Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. - С. 624.
3. Введение в биоэтику/Под ред. Б.Г. Юдина. - М.: Прогресс-Традиция, 1998. - С. 198.
4. *Шаргородский М.Д.*, Преступления против жизни и здоровья. - М.: Юрид. изд. Министерства Юстиции, тип. Им. Евг. Соколовой в Лгр. - 1947. - С. 412-413.
5. Соборное Уложение Царя Алексея Михайловича 1649 г./ Российское законодательство X-XX вв. в 9 т. /Общ. ред. Чистяков О.И. Т.3. /Отв. ред. Маньков А.Г. - М.: Юридическая литература, 1985. - С. 250.
6. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. - Т.4. - М., 1962. - С. 57, 59, 60.
7. Постановление НКЗ и НКЮ от 18/XI 1920 № 90 «Об абортах»//Боголепов П.П. Справочник по охране материнства и младенчества. Систематический сборник действующего законодательства и официальных материалов с 1917 года по 1 октября 1927 года. - М.: Издательство «Охрана материнства и младенчества» НКЗ, 1928. - С. 79.
8. Приказ Министерства здравоохранения СССР № 1342 «О прерывании беременности по немедицинским показаниям»// Вестник «Медицина для Вас». - 1996. - № 13.

9. Recommendation 1100 (1989) on the use of human embryos and fetuses in scientific research//Texts of the Council of Europe on bioethical matters. - Strasbourg, February 1999. - P. 22-29. Предметом анализа является этический и правовой статус только *жизнеспособных эмбрионов*.

10. Recommendation 1046 (1986) on the use of human embryos and fetuses for diagnostic, therapeutic, scientific, industrial and commercial purposes//Texts of the Council of Europe on bioethical matters. - Strasbourg, February 1999. - P. 17-22.

11. Christian БУК, Judge, Paris. Medical and Biological Progress and the European Convention on human rights. - Strasbourg: Directorate of Human Rights, 1992. - P. 26.

12. Курило Л.Ф. Право родиться/ Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред. Б.Г. Юдин. - М., 1998. - С.138.

13. Приказ Минздравмедпрома России от 29.04.1994 № 82 //Российские вести, 1994, 15 июня.

14. Всеобщая Декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 1998, 10 декабря; Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями)//<http://base.garant.ru/2540800/#ixzz4ygFOAn6R>

О.Э.Старовойтова*

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА - НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье представлена и обоснована авторская позиция относительно личностных (соматических) прав в системе иных прав человека, определена их социально-юридическая сущность, изучены вопросы воплощения в человеке и телесного, и духовного начала. Акцентируется внимание на соотношении биомедицинских технологий и неконтролируемой эволюции соматических прав.

Ключевые слова: соматические права, индивид, индивидуальность, личность, тело, биомедицинские технологии.

SOMATIC HUMAN RIGHTS - A NEW DIRECTION IN LEGAL SCIENCE

Summary. The article presents and justifies the author's position on personal (somatic) rights under other human rights, defined by their socio-legal nature, the question of incarnation in the person and body, and spirituality. Focuses on the ratio of biomedical technologies and the evolution uncontrolled somatic rights.

Keywords: somatic rights, individual, individuality, personality, body, biomedical technology.

Проблема соматических прав человека сегодня предстает как новое направление в юридической науке. Это поистине грандиозная проблема XXI века. Она, в сущности, является вызовом законодательству, которое и в современной России, и во многих иностранных государствах нуждается в основательной корректировке.

Новейшие биомедицинские технологии, с одной стороны, приносят избавление от многих серьезных недугов, связанных со здоровьем человека, а с другой - стали источником неограниченного вмешательства в человеческую природу и повлекли за собой серьезные этические и правовые проблемы. Сегодня вопрос стоит так: с развитием биомедицинских технологий неконтролируемая эволюция соматических прав в том направлении и в том темпе, которые диктует современная жизнь, может повлечь за собой утрату наших былых представлений о человеке. Современная наука стоит на грани создания химер, которые потрясут основы нашего мироздания. Сказки и мифы о русалках, леших, кентаврах и циклопах вполне могут стать «воспоминанием о будущем».

Следует заметить, что широкое использование биомедицинских технологий сопровождается в настоящий момент недостаточностью, а в ряде случаев и полным отсутствием правового регулирования этой сферы деятельности. Данное обстоятельство влечет за собой серьезные нарушения прав человека.

Как известно, под правом человека понимается прежде всего право, которое универсально (распространяется на всех, кто относится к биологическому виду «го-

* **Старовойтова Ольга Эдуардовна**, профессор Санкт-Петербургского университета им. А.С.Пушкина, доктор юридических наук, профессор. E-mail: profstarovoitova1@rambler.ru

мо сапиенс») и которое эгалитарно (все равноправны). С этой точки зрения, становление прав человека началось с момента воплощения их идеи в философско-правовых учениях Нового времени. Это идеологический подход, обращение к которому основывается на более чем двухвековой либерально-гуманистической традиции. Права человека - это широкая социальная и идеологическая, а не только лишь специфически юридическая категория.

Рассуждая о правах человека, необходимо помнить о сопутствующих терминах: индивид, индивидуальность, личность. Индивид - это отдельный человек, часть природы, общества. Определенным началом индивида является телесно-натуралистическое начало, материальное начало. Индивид не знает разделения телесного и духовного. Индивидуальность - это то, что отличает одного человека от другого изнутри - на уровне сознания. У индивидуальности особенные, единичные, неповторимые свойства. Это явление души. Это феномен одиночества. Одиночество может стоять и под знаком положительного. Г.Ибсен говорил, что самый могущественный человек тот, кто стоит на жизненном пути одиноко.

В понятии личность представлена прежде всего духовная сущность человека. По словам Н.Бердяева, личность не есть часть чего-то, функция рода или общества. Личность нельзя понимать ни биологически, ни социологически, она духовна и предполагает существование духовного мира.

Таким образом, человек воплощает в себе и телесное, и духовное начало.

Проблема человеческого тела наряду с проблемой духовности сегодня одна из широко обсуждаемых тем. Среди правопризнаний личности, представляющей человечество на рубеже третьего тысячелетия, можно выделить и обособить группу таких, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами. Сюда же можно отнести право человека на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, клонирование, а затем - и на виртуальное моделирование, в смысле полноправного утверждения (дублирования) себя в неметрической форме объективного существования. Права эти, имеющие сугубо личностный характер, предлагается определить как «соматические» (от греч. Soma - тело).

Что же такое «тело»? С этим понятием имеют дело анатомы и физиологи. «Тело» исследуется и описывается наукой и религией, поэтами и художниками (вспомним высказывание Делакруа о том, что женское тело создано из «морской пены и поцелуев»). Человеческое тело имеет разные типы номинации (тело как источник наслаждения или физиологическое тело). Тело выступает как пакетное понятие, центрирующее на себе целый ряд значимых ценностей. Среди них мы выделяем такие понятия, как организм, плоть, телесность, тело без органов, кожа, кровь.

Тело - термин традиционно эстетического и социогуманитарного знания, обретающий имманентный категориальный статус в понятийном комплексе философии постмодернизма. Практически у всех философов, стремящихся к построению оригинальных онтологий, так же как и у мыслителей, принципиально отвергающих онтологию как таковую, можно обнаружить однозначное согласование понятия «тела» с базовыми категориями их интеллектуальных систем.

Уже у Декарта** предполагалось, что принадлежность к «res cogitans» (т.е. «бытию мыслящему») принципиально несовместима с «res exensa» (т.е. «бытием протяженным»). Таким образом, мыслящий субъект трактовался как принципиально бестелесный.

Проблема соматических прав человека относится к разряду глобальных философско-правовых проблем, игнорировать которые сегодня невозможно. Конституционным решениям этой проблемы должно предшествовать ее философско-правовое осмысление. Кроме того, нельзя не учитывать и аргументацию теологического порядка. «Причем, фундаментальные нормативные установления, по которым юридическая наука, религия и философия достигли бы в этом вопросе принципиального согласия, необходимы не завтра, а уже сейчас. Пора, наконец, увидеть за деревьями лес. Слишком страшная угроза таится в его чаще. Последовательная эволюция «соматических» прав в направлении, заданном современными тенденциями жизни, может повлечь итоговую для человека потерю: утрату самого человека. В «зеркале» цивилизации может однажды вместо привычного образа отразиться обличье совсем другого антропотворного создания».

Библиографический список

1. Декарт Рене (1596 - 1650) - французский философ, математик, физиолог, один из основоположников «новой философии». Несомненным началом, моделью истины для Декарта являлось положение «я мыслю, следовательно, я существую» (cogito ergo sum).

Рекомендуемая литература

1. Ашкерев А.Ю. Жак Люк Нанси как антрополог современности //Человек. - 2000. - № 5.

2. О возможностях границах совершенствования облика человека, см.: Гулинг Х.А. Портрет Дориана Грея. Некоторые соображения о наших поисках физического и этического совершенства//Человек. - 2001. - № 4.

3. Мужское тело как эротический объект (См.: Кон И.С. Битва за штаны // Человек. - 2001. - № 4).

4. Body lore and laws. Oxford - Portland. Oregon. USA. 2002. - 346 p.

5. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы //Государство и право. - 2000. - № 10. - С. 43.

6. Новейший философский словарь: 2-е издание, переработанное и дополненное. - Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. - С. 1026.

** Декарт Рене (1596 - 1650) - французский философ, математик, физиолог, один из основоположников «новой философии». Несомненным началом, моделью истины для Декарта являлось положение «я мыслю, следовательно, я существую» (cogito ergo sum).

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5-12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4-5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее - Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии - специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов - специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ АККРЕДИТАЦИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку,
обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или ***магистра***

(в зависимости от срока обучения)

и выдается ***государственный диплом
о высшем образовании***

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ - 4 года, ЗАОЧНОЕ - 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим и высшим образованием -
ускоренный курс обучения - 3 года***

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 12.00.01 - теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
- 12.00.02 - конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
- 12.00.08 - уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

GOLTSBLAT BLP

Goltsblat BLP - российская практика Berwin Leighton Paisner (BLP), ведущей международной юридической фирмы, штаб-квартира которой находится в Лондоне и офисы - в крупнейших коммерческих и финансовых центрах мира: Москве, Абу-Даби, Берлине, Брюсселе, Гонконге, Дубае, Париже, Пекине, Сингапуре, Франкфурте, Тель-Авиве и Янгоне.

В московском офисе **Goltsblat BLP** - более 100 юристов, квалифицированных специалистов по российскому, английскому праву и праву США, общее количество юристов в международных офисах BLP - более 800.

На сегодняшний день **Goltsblat BLP** является одной из ведущих международных юридических фирм, российской практикой глобальной фирмы, оказывающей правовую поддержку по крупным комплексным сделкам и проектам, как международным корпорациям, так и российским компаниям. Нашей ключевой специализацией является сопровождение сделок и разрешение судебных споров. При этом при реализации комплексных проектов мы используем возможности и ресурсы нашей многофункциональной команды, чтобы обеспечить всестороннюю юридическую поддержку по всем необходимым аспектам и наиболее эффективным образом отвечать потребностям каждого клиента и каждого конкретного проекта, что, безусловно, является нашим преимуществом по сравнению с другими юридическими фирмами.

Международная команда **Goltsblat BLP** обеспечивает правовое сопровождение сделок, связанных с инвестициями российских и иностранных клиентов в России и за рубежом, оказывая правовую поддержку при реализации корпоративных сделок, сделок по слиянию и поглощению, банковских и финансовых сделок, инфраструктурных проектов и сделок с недвижимостью, разрешения споров, а также иных комплексных проектов и представительства в делах, являющихся предметом нескольких юрисдикций.

Клиентами **Goltsblat BLP** являются более 1700 компаний, среди которых крупные международные инвесторы, работающие на российском рынке, российские и международные банки, финансовые организации и российские компании - лидеры в своих отраслях (130 компаний, входящих в рейтинг Forbes Global).

Goltsblat BLP является обладателем 25 национальных и международных наград за последние пять лет, включая:

- Лучшая юридическая фирма в России - **Chambers Europe Awards 2015** и номинант **2016-2017 гг.**;
- Международная юридическая фирма года - **The Lawyer European Awards 2014** и номинант **2015 года**;
- Международная юридическая фирма года - **Legal Business Awards 2010 / Legal 500** и номинант **2015-2016 гг.**;
- Юридическая фирма года (лучший клиентский сервис) - **Chambers Europe Awards 2014 и 2010 гг.**;
- Топ-3 международных юридических фирмы в России по размеру выручки - **рейтинг Право.ру 2016 года** и др.

Специализированные юридические награды Goltsblat BLP за 2017 год:

- *Лучшая фирма года в сфере антимонопольного права* - **Best Lawyers Awards 2018;**
- *Лучшая фирма года в области налогообложения в России* - **European Tax Awards 2017 / International Tax Review;**
- *Лучшая фирма года в сфере недвижимости* - **Best Lawyers Awards 2017;**
- *Юридическая фирма года - Сделки M&A* - **Corporate Live Wire M&A Awards 2017;**
- *Юридическая фирма года в России в области таможи и международной торговли* - **2017 Deal Makers Country Awards;**
- *Топ-100 лучших фирм мира в области антимонопольного права* - **Global Competition Review 100, 2014-2017;**
- *Топ-100 лучших фирм мира в области международного арбитража* - **Global Arbitration Review 100, 2017** и др.

редактор **Н.Б. Чунакова**
перевод **А.В. Саматов**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
Адрес издателя: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1.
E-mail: conception.rzn@gmail.com
Телефон: 8 (800) 250-73-02

Выход в свет 25.12.2017. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 10,67. Усл. п.л. 5,9. Тираж 500 экз. Заказ № 37.

Цена свободная

Отпечатано ООО «Издательство «Концепция».
Адрес типографии: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д.17, корп. 1.